

ЮРИЙ НИКИТИН

Alouette,
little Alouette...

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Alouette, little Alouette...

«ЭКСМО»

2014

Никитин Ю. А.

Alouette, little Alouette... / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2014 — (Странные романы)

Возможно, любовь тоже исчезнет в наступающем суровом мире, где можно будет не только обрести долголетие, завидное здоровье, быстроту реакции и увеличить объем памяти, но и убрать из нашей сути все, что причиняет страдания? Это уже не теория, Максим и Аллуэтта столкнулись с этой проблемой лицом к лицу. И им предстоит трудный выбор... и не совсем ожидаемое решение.

© Никитин Ю. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	52
Глава 12	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юрий Никитин

Alouette, little Alouette...

Сотрудник Фарадея случайно уронил серебряную ложку в сосуд с кислотой. Ложка растворилась, кислота ее «съела». В лабораторию вошел Фарадей, увидел молодого коллегу смущенным и сказал:

«Не беда, вернем».

Он бросил в сосуд с кислотой нужные реактивы, серебро осело на дно. Фарадей достал бесформенную массу серебра и выплавил ложку.

Во сколько раз легче Всевышнему будет собрать пылинки нашего тела, преданного земле, и воскресить нас!

И Бог это сделает.

(Из церковных притчей)

Часть I

Глава 1

Внутри отель старомоден, нечто среднее между дворцом и монастырем. Такие же добротные стены, стрельчатые окна, массивные колонны, украшенные золотом, огромные люстры, как в Версале или Вестминстерском дворце.

Широкая мраморная лестница ведет наверх, в апартаменты, а здесь из холла в одну сторону зовет украшенный цветными шариками вход в ночной клуб, в другую – просторный зал для ассамблей и собраний, сейчас там какой-то светский раут, вход по особым приглашениям.

На сцене две девушки демонстрируют у шеста не столько стриптиз, кого им удивишь, сколько акробатику мирового класса, там сравнительно тихо, музыка грохочет ближе к танцполу.

Танцующих мало, большинство расположились за столами, даже у барной стойки пусто, и Максим с Френсисом подошли к ней без помех.

Френсис придирчиво рассматривал меню, Максим пожаловался:

– Голова трещит. Я всегда знал, что гений – это я, но, когда послушал этих, сам не знаю, что теперь и думать... Ты что будешь?

– Что-нибудь помощнее, – ответил Френсис. – Но из нашего списка.

Максим рассмеялся.

– Тут такое не в чести. А давай-ка вон то зеленое, что-то его берут чаще всего.

– Давай, – согласился Френсис.

Максим чувствовал, как пухнет голова от наплыва новых данных, надо как-то дать мозгу все это рассортировать и разложить по шкафчикам и полочкам. Лучше всего он это делает в глубоком сне, но сейчас только вечер, потому Френсис прав, уговорив сходить к бару. Некоторого нужного эффекта можно достичь с помощью умело подобранного алкоголя.

Максим пробурчал:

– Я вообще-то сторонник видеоконф. Личные встречи – это что-то вроде посиделок в лесу с шашлыками на углях.

Френсис ухмыльнулся.

– Я тоже предпочитаю шашлыки со сковородки. Но вслух такое не скажешь, немужественно!

– Даже мы, – сказал Максим с тоской, – живем в русле этого вчерашнего века.

– Что делать, – ответил Френсис беспечно, – если нам так не повезло, что родились в нем.

Он повернулся к бармену, тот с готовностью улыбнулся и спросил поощрительно:

– Два коктейля? Каких?

Маленький, толстенький, розовощекий и часто улыбающийся, чем-то напоминающий не то Санта-Клауса в молодости, не то облако в штанах, он произнес эти слова твердым голосом, что больше годился бы для комбата или тренера по футболу.

Френсис не сразу сообразил, что хотя бармен открывает рот и шлепает губами, голос идет из мобильного на шее, замаскированного под медальон и украшенного не то стразами, не то настоящими бриллиантами, которые не смогли бы позволить себе они, двое докторов наук.

Эти трансляторы появились еще пять лет тому и моментально были встроены во все модели мобильных, где переводили речь на лету с языка на язык с великолепной точностью и даже поправляли, что позволило продать в первый же день несколько десятков миллионов штук, а в течение месяца их купили больше миллиарда человек.

А так как есть функция выбора голоса и тембра, то моментально пошла мода разговаривать даже с приятелями, используя все новейшие навороты. Но вот уже два года, как все любители хай-тека, да и просто люди, предпочитающие бытовые удобства, монтируют этот чип прямо в ушную раковину, где он постоянно подзаряжается от тепла и вибраций.

Максим посмотрел на Френсиса с укором, дескать, народ в массе консервативен, да и не украсишь чип в ухе стразами или бриллиантами, не морщись, мы в этом диком мире уже закончили, завтра с утра улетим по домам.

– Все верно, – сказал Френсис бармену. – Два коктейля... Дезоксирибонуклеиновый и Хромосферный... Что, даже не знаете таких?.. Ну и дыра... Ладно, тогда самые крутые.

Бармен посмотрел на обоих уже с уважением, а Френсис, передав бокал Максиму, повернулся со своим в руке лицом к залу.

– Личные встречи на симпозиумах, – согласился он, – встречи у костра с шашлыками... да, дикость, но что-то в ней есть. В нас всех, если поскрести, таких дикарей обнаружат.

– Лучше не скрести, – сказал Максим. – Я вот не дамся. Из принципа. И так, на всякий случай... Ну, за аутофагию бета-амилоеда!

– И за чистоту интерстициального пространства, – сказал Френсис. – За фетальный гемоглобин и транскриптомику!.. Эх, какие тут женщины... Совсем другой мир прекрасного Средневековья... А посмотри вон туда. Две светские львицы, обе поглядывают в нашу сторону.

– И смотреть не буду, – ответил Максим. – Ты же знаешь, чего поглядывают.

Френсис вздохнул.

– Знаю. Так выпьем за наномедицину вообще, а потом в частности за моих мышек, что сейчас тоскуют без меня, как и я по ним.

Френсис угадал, Аллуэтта и Миранда в самом деле давно и заслуженно приобрели репутацию светских львиц. Обе яркие, эффектные, сразу вызывают ажиотаж, где бы ни появлялись, к тому же Аллуэтта единственная дочь и наследница семисотмиллиардного состояния империи Фирестоуна, а Миранда хоть и не может похвастать богатыми родителями, зато самая стильная из моделей, самая яркая, каждый дюйм ее тела выверен и вылеплен лучшими дизайнерами и пластическими хирургами, платье у нее всегда от Гетри, серьги и ожерелье от Куртеса, сверкающая улыбка может свести с ума самых стойких плейбоев.

Аллуэтта даже завидовала, что не может воспользоваться чудесами пластической хирургии. К несчастью, ей достались просто совершенные гены от трудоголика-отца и красавицы матери, ничего ни убавить, ни добавить, лицо и фигура полностью соответствуют самым изысканным требованиям.

Единственное, в чем удавалось оторваться, это серьги с россыпью бриллиантов по баснословной цене, ожерелья, да еще заколки в пышных волосах, каждая штучка украшена опять же бриллиантами.

Музыка гремит мощно, на второй сцене неистовствуют ребята из группы «Грит Фрог», самой на сегодня модной и высокооплачиваемой. Публика что ни есть самые сливки золотой молодежи, однако Аллуэтта морщила носик, коктейль едва-едва попробовала, зато Миранда всему и всем улыбалась, а когда Аллуэтта вздохнула в очередной раз, спросила живо:

– Тебе что, скучно?.. Виктора здесь нет, да?

Аллуэтта поморщилась.

– Мне он уже не интересен.

– Что случилось?

– Самоуверенный придурок, – отрезала Аллуэтта. – Уверен, что десять миллиардов его отца дают ему право на любую женщину!

Миранда рассмеялась.

– Конечно, придурок. Как он смеет такое думать о тебе, если семьсот миллиардов твоего отца именно тебе дают право на любого мужчину!

Аллуэтта улыбнулась: Миранда хоть и язвит, но все равно комплиментарно. Семьсот миллиардов все же побольше, чем десять, к тому же она сама была в свое время королевой школьного бала, затем самой красивой выпускницей университета, и сейчас у нее статус самой яркой и желанной светской львицы.

– Тогда обрати внимание на Юджина, – посоветовала Миранда. – Он не так эффектен, как Виктор, зато в нем больше мужественности и надежности.

– Не хочу, – сказала Аллуэтта. – Знаю, как-то повязалась с ним на одной вечеринке. Потом месяц преследовал, как будто это повод для знакомства!

Миранда хитро прищурилась.

– Не поверю, что ты так вот покинешь вечер, никого не подцепив!

– И не надо, – ответила Аллуэтта. – Вон те двое... кто они?

Миранда внимательно посмотрела в ту сторону.

– Никогда раньше не видела.

– Что с тобой? – спросила Аллуэтта. – Ты же всегда всех знаешь! И у кого сколько в кармане.

Миранда натянуто улыбнулась, подруга прозрачно намекает на ее статус золотоискательницы, но вообще-то кто из женщин не золотоискательница, разве что те, у кого родители мультимиллиардеры или хотя бы простые миллиардеры.

– Не знаю, – повторила она. – Хотя... да-да, Максим говорил, что на вечеринку на всякий случай приглашены двое или трое жигало. А то, дескать, женщин будет больше, а нельзя, чтобы кто-то ушел недовольным.

Аллуэтта фыркнула.

– Как раз для таких случаев.

– Один совсем плюгавый, – заметила Миранда оценивающе, – хотя есть и на таких любители, а второй вполне... И держатся в сторонке, не стараются привлечь внимание.

Аллуэтта промолчала, рассматривая мужчин. Оба у стойки бара, но в сторонке, что-то заказали, но, как знала Аллуэтта по опыту, нечто легкое, а то и вовсе безалкогольное, все-таки на работе, им пить много нельзя.

Тот, которого Миранда назвала плюгавым, вовсе не плюгав, просто ниже ростом, широк, с небрежно повязанным галстуком. Узел распустился до второй пуговицы, лицо умное и веселое, что легко может привлечь внимание тех, кто уже пресытился стандартными красавцами с одинаково атлетическими фигурами. Старшие подруги говорят, что со временем начинает тянуть на мужчин умных, с которыми в постели можно еще и поболтать.

В это время второй повернулся к товарищу вполоборота, и Аллуэтта решила сразу, что наймет этого. Возможно, на всю ночь, что-то есть в его лице особенное, даже не потому, что красавец, в этом как раз не совсем уверена, но чем-то демонически хорош.

– Пожалуй, – сказала она, – я так и сделаю.

– Как? – переспросила Миранда.

– Возьму жиголо, – решила Аллуэтта.

Миранда хихикнула:

– Виктор и Юджин удавятся от зависти!.. Если ты не против, я попробую заняться Юджином?

– Попутного ветра, – сказала Аллуэтта. – Можешь и Виктором, если с Юджином будет облом.

Миранда заверила торопливо:

– Я только чтоб рассказать тебе потом, как они злились!

Аллуэтта усмехнулась, Миранда постарается выжать все для себя из подвернувшейся ситуации. Она не просто золотоискательница, а очень упорная золотоискательница, кого-то в конце концов и окрутит, а сама, как не раз ей говорила, в благодарность станет ему верной и

надежной женой. Хотя кто знает, все мы говорим одно, а самое затаенное уж точно не выложим даже подруге. Это мужская дружба в самом деле дружба, но для женской до сих пор не подобрали название поточнее.

Мужчины за столиками проводили ее взглядами, когда она красиво поднялась и молча пошла в сторону барной стойки, эффектная и роскошная в платье от Регины, почти ничего не скрывающем, да и что скроешь в мире высоких технологий, а кому было что скрывать, те уже подправили, сейчас это быстро и недорого.

Мужчины повернулись к ней, она холодно улыбнулась обоим.

– Привет, красавчики. Меня зовут Аллуэтта. А вас?

– Френсис, – представился первый, что пониже. – Что будете пить?

Она проигнорировала вопрос, взглянула на второго.

– Максим, – ответил тот.

– Макс, – сказала она по-хозяйски, – пойдешь со мной.

Глава 2

Солнечный луч отыскал щелочку между плотными викторианскими шторами и пощекотал ей ноздри. Она легонько чихнула, просыпаясь, сладко потянулась, не раскрывая глаз. Странное ощущение, что произошло нечто чудесное, радостное, как будто вернулось детство, когда ликовала, рассматривая в мамином саду яркие цветы и отдыхающих на них немислимо огромных бабочек сказочно ярких дивных рисунков.

Зевнув, перевернулась на другой бок, но протянутая рука не уперлась в крепкое мужское тело. Пальцы нащупали смятую простыню, пришлось приоткрыть один глаз.

Второй открылся сам: та половина постели пуста. Аллуэтта приподнялась на локте, в голове еще легкий туман от вчерашних коктейлей, но помнит, с жиголо не расплатилась, эта процедура происходит утром, потому что кроме установленной таксы могут быть или не быть еще и чаевые.

Что за свинья, мелькнула раздраженная мысль. Он настолько уверен, что закажу его и сегодня, что позволил себе этот жест?.. Хорошо же, пусть тогда кусает локти.

Нехотя покинув постель, она оделась достаточно быстро, заодно проверила сумочку, но ничего не исчезло, обворовать не рискнул, вообще в жиголо идут красавцы, что делают упор на свою внешность и возможности в постели, преступников среди них, даже мелких, пока еще не встречалось.

Этот день и даже вечер она планировала пропустить или же пойти в другой ночной клуб, пусть этот жиголо поволнуется, но уже к десяти вечера ее лимузин подкатил к вечернему отелю.

Велев водителю ждать, она взбежала легкой тропической бабочкой по красной ковровой дорожке ко входу, на ходу расточая улыбки под вспышки фотокамер.

Импозантный швейцар, больше похожий на короля Англии, угодливо склонившись в поклоне, распахнул перед нею двери.

Навстречу пахнуло ароматами власти и богатства, люстры заблистали мириадами золотых звездочек, ушей коснулась музыка, с потолка спускаются светящиеся шары на длинных шнурах...

У бара сегодня людей побольше, но ее красавца жиголо там нет, хотя вообще-то и не красавец, но что-то в нем особенное, этого не отнять, однако где же он, неужели какая-то стерва уже утащила его в постель...

Глупо, сказала она себе. Никто не берет жиголо в начале вечера, это всегда потом, когда никого не удастся подцепить, тогда уже да, понятно, так что этот хитрый гад где-то здесь.

Высматривать пришлось долго, а когда так и не увидела, направилась, рассеянно отвечая на комплименты постоянных кавалеров, к барной стойке.

Роман, сидящий красавец, бывший боец суперсекретного спецназа, улыбнулся во весь рот, демонстрируя тридцать два белоснежных зуба на имплантатах.

– Мисс Аллуэтта?

– Хорошо тут у тебя, – сказала она одобрительно.

Он довольно заулыбался.

– Стараюсь.

– Слушай, – сказала она доверительно, – кто заказывал на вчерашний вечер жиголо?

– Ильяс, – ответил тот незамедлительно. – А что, есть жалобы?

– Нет, – ответила она, – мой был хорош... Пожалуй, попользовалась бы им еще разок. Если не подвернется кто-то получше... Значит, Ильяс?

– Да, он сейчас вот там гоняет музыкантов.

Ильяс, круглый румяный колобок, полный взрывчатой энергии, крикливо указывал барабанщикам и саксофонистам, кому где встать и что делать, будто те до сегодняшнего дня занимались садоводством или разводили аквариумных рыбок на продажу.

Она издала помахала ему рукой. Ильяс, едва завидя светскую львицу и наследницу многомиллиардного состояния, известную требовательным, а то и склочным характером, торопливо ринулся к ней навстречу, сшибая по дороге стулья.

– Мисс Аллуэтта?

Она поинтересовалась весело, стараясь держать голос как можно более беспечным, а тон незаинтересованным:

– Ты вчера нанимал жиголо?

– Я их всегда нанимаю, – ответил он гордо и тут же спросил испуганно: – Кто-то вызвал неудовольствие?

– Как раз наоборот, – ответила она. – Мой убежал с утра, забыв получить с меня деньги.

– Может, – предположил он испуганно, – срочный вызов? Заказ на утро?

Она поморщилась.

– Вряд ли у него остались силы...

– Поздравляю, – сказал Ильяс. – Как его звали, Тарзан?

Она покачала головой.

– Нет?

– Королев?... То есть Крулев?

– Нет, – повторила она, – Максим.

Он наморщил лоб.

– Максим?

– Да, – ответила она. – Конечно, это кличка, но не станет же он и клички менять слишком часто?

– Конечно, – подтвердил Ильяс с готовностью, – клиентов растеряет. Странно, такого не помню. Сейчас же спрошу помощников. И сразу же вам доложу!

– Займись, Ильяс, – велела она. – Я подожду в баре.

Он исчез, хоть она и не начальство, но таким клиентам, которые запросто могут купить весь отель на карманные деньги, нужно угождать со всей стремительностью и рвением.

Роман широко заулыбался, сытый, довольный и доброжелательный.

– Коктейль? Или что-то перекусить?

– Заря Бингана, – назвала она. – И немного льда. Колотого. Нет, есть не буду, и так почти толстая.

– А новый желудок не вставили? – спросил он с интересом. – Сейчас, говорят, в такие можно жрать сколько угодно, усвоится только чуть-чуть, самое нужное. Даже у коровиц наметились талии.

Она покачала головой.

– Их только-только начали выпускать. Сперва посмотрю на подругах.

Он хохотнул.

– Правильно! Вам он пока без надобности.

Над его головой на огромном экране пробежали цифры, показывающие проценты проголосовавших за того или иного кандидата в сенат, голос комментатора, задающего вопросы людям на улице, стал громче и назойливее.

Роман посерьезнел, буркнул:

– Обыватель даже не поднимет задницу с дивана, чтобы пойти и проголосовать, а потом удивляется, почему это правитель, которого выбрали другие, не соответствует его личным чаяниям!.. Придурки.

– Еще какие, – ответила она рассеянно.

За столиками ресторана народу все прибавляется, однако же Максима все нет и нет, хитрая сволочь, что же он от нее хочет, что за странная и рискованная игра, неужели он так в себе уверен...

Слуха коснулся рассудительный голос Романа:

– А мне тотальное наблюдение только на пользу! Раньше с женой часто ссорились, что-то себе накрутит, а потом целый день утверждает, что я вот так сказал, а это обида, даже оскорбление, почему я такая грубая свинья?.. А теперь стоит отмотать запись взад, все выясняется. И теперь сама следит за язычком. А если не уверена, тайком прокрутит, проверит, как и что кем было сказано.

Она поставила стакан с недопитым коктейлем на барную стойку.

– Что-то Ильяс не торопится. Пойду выясню.

– Взгрейте его, – посоветовал Роман. – А то он быстро наглеет, таким нельзя давать спуску.

Ильяс обнаружился в углу зала, там целая команда его помощников, советников и просто работников, все почему-то громко ржут, толкают друг друга в бока, снова ржут, а сам Ильяс вообще сгибается в поясе от гомерического хохота.

Аллуэтта ускорила шаг, люди Ильяса увидели, разом замолчали, некоторые поспешно убежали, другие торопливо делают вид, что работают, усердно работают, просто изнуряют себя таким замечательным и увлекательным делом.

Ильяс, шустро развернувшись, ринулся Аллуэтте навстречу, уже настолько серьезный, что почти скорбный.

Она нетерпеливо спросила с ходу:

– Ну что, нашел, кому я должна отдать деньги?

Ильяс смотрел ей в глаза истово и преданно, вот щас хоть в огонь по ее слову, но ей показалось, что он с великим трудом сдерживается, чтобы снова не заржать.

– Мисс Аллуэтта...

– Ну?

Он сказал предельно серьезно:

– Мисс Аллуэтта, произошла небольшая накладочка...

Она насторожилась, краем глаза уловила снова повеселевшие рожи его помощников.

– Что стряслось?

Он сказал проникновенно, даже ладони прижал к сердцу:

– В соседнем корпусе был снят этаж под всемирный слет каких-то ученых. Не то нейрофизиков, не то нейрохирургов, я в них не разбираюсь. Но там затеяли ремонт в баре... вы же знаете, это всего лишь ученые, кто с ними церемонится!.. но все же в порядке благородного жеста и от свойственного нам великодушия к этим убогим разрешили попользоваться нашим. И хотя у них там эконом-класс, а у нас суперлюкс, но все равно оттуда почти никто сюда не пришел. Ученые – странные люди...

Быстро приблизился бочком один из его помощников, поклонился и сказал льстиво:

– Меня зовут Карлос, Карлос Хоменко. Я выяснил, двое приходили. Доктора наук Максим и Френсис зашли пропустить по коктейлю после завершения конференции. Я узнал, оба на этой конференции получили какие-то гранты и международные премии.

Она охнула, но поняла, как глупо выглядит с раскрытым ртом, какое счастье, что в бар не разрешают проносить фотокамеры, иначе ее изображение через пару секунд было бы на всех сайтах, посвященных высшему свету.

– Это был...

Ильяс отпихнул Карлоса и сказал торопливо:

– Доктор наук.

Она проговорила медленно:

– Ах он, сволочь... Где он сейчас?

– Отбыл, – ответил Ильяс.

Она прошипела:

– Что значит отбыл? Как посмел? Куда отбыл?

Ильяс проблеял виновато:

– Сегодня в шесть утра, в такую дикую рань, за ними прибыл автобус и отвез в аэропорт.

– Автобус, – произнес Карлос подобострастно и с невыразимым презрением. – Даже не такси!

Ильяс добавил, снова перехватывая инициативу:

– Если хотите, мы узнаем, куда он отбыл. И где работает. И вообще все о нем.

Она бросила зло:

– Узнайте и сбросьте мне файл.

Ильяс поклонился, отводя взгляд. Она чувствовала, что выглядит предельно глупо с полуотвисшей челюстью и выпученными глазами. Уже все тут, кто в курсе, прилагают титанические усилия, чтобы не расхохотаться ей прямо в лицо, а остальные торопливо отворачиваются, она слышала их старательно удавливаемые смешки.

Карлос добавил льстиво:

– Автобус увез всех участников симпозиума. Я слышал, симпозиум по-гречески означает грандиозную попойку, но эти ученые там вообще не пили, странный народ. И Максим и Френсис в том числе.

А Ильяс, взглянув на часы, уточнил:

– Лайнер поднялся в воздух час назад.

Глава 3

Она пошарила по инету, в самом деле его имя Максим, Максим Руд, доктор наук, тридцать два года, двенадцать фундаментальных работ, двадцать семь изобретений, автор такой-то уникальной методики и такого-то метода, принятого в клиниках... Крысам продлил жизнь вчетверо, а мышей так и вовсе сделал практически бессмертными...

И на фото почти такой же, каким увидела его в баре, но сейчас видно, что ученый, а тогда показался просто несколько странным, выбивающимся из стандартной колоды кавалеров.

Через час ее личный самолет приземлился в сорока километрах от научного городка Жабкино, а еще через тридцать минут такси с автоводителем доставило ее к воротам научно-исследовательского центра нейрофизиологии.

Она вылезла, злая, как кобра, которой наступили на хвост, уже приготовилась устроить скандал у закрытых ворот, те в самом деле закрыты, но рядом распахнута калитка из четырехгранных металлических прутьев с острыми наконечниками, напоминающими о временах, когда в ходу были копья.

Ощущение, что здесь время остановилось со времен королевы Елизаветы, если была такая, или Екатерины, неважно, но такие же выложенные булыжником дорожки, зеленые кустарники по краям, газоны, а впереди четыре высоких корпуса, на высоте пятого этажа соединенные крытыми мостиками.

Она огляделась с отвращением, часто попадаются почти дикие деревья, не видно ни одного ночного клуба, ресторана, боулинга или шартинга, но вовремя напомнила себе, что здесь живут и работают прибацанные ученые, а они все не от мира сего.

Между четырьмя зданиями еще и аккуратные дорожки, протоптанные прямо по земле, много зелени, но простой, хотя можно бы засадить экзотикой, теперь все модифицированное, а здесь кажется, что попала в прошлый век.

У входа в главное, как она решила, здание приготовилась встретить вахтера, видела их в детстве, но здесь никого, а двери просто не раздвинулись, хотя с той стороны иногда проходят люди, но никто и не взглянул в ее сторону.

Наконец одна женщина на ходу повернула голову, Аллуэтта отчаянно замахала руками, хотя, конечно, предпочла бы, чтобы ее заметил мужчина, с теми общаться проще, а женщины ее ненавидят, что так понятно.

Женщина в самом деле подошла с явной неохотой, не сумела сделать вид, что не заметила. Лицо строгое, большие очки, но вряд ли просто мода, теперь мощные компьютеры вмонтированы не только в дужки и оправу, но и в сами стекла.

– Что вы хотите?

Аллуэтта сказала быстро:

– Я к доктору Максиму Руду. Он был на конференции в Майами и кое-что забыл! Я прибыла, чтобы вернуть ему.

Женщина поколебалась – Аллуэтта прочла в ее глазах отчетливое «а не пошла бы ты, фифочка, куда подальше», – но сказала с неохотой:

– Вы работаете у Томаса Гардинга?.. Хорошо, давайте, я передам.

Аллуэтта покачала головой.

– Думаете, я прилетела бы лично, если можно было послать курьером?

Женщина вряд ли поняла, судя по высоко вскинутым бровям и вытаращенным глазам, но после паузы лишь пожала плечами:

– Ладно, я вас провожу. Мне как раз туда.

Она не шелохнулась, но створки двери стремительно отскочили в стороны.

Аллуэтта вошла торопливо, в спину чуть пихнуло сжатым воздухом. Женщина повела ее через просторный холл, и на этот раз на них во все глаза смотрели все, кто попадает на пути и даже стоит далеко в сторонке.

Губы Аллуэтты раздвинулись в жесткой усмешке. Она не зря надела самое шикарное платье, а в ушах сейчас гроздь с огромными бриллиантами, как и ожерелье из бриллиантов, что слепит и почти сбивает с ног любую встречную женщину, а мужчин заставляет открывать рты в самцовом восторге.

Мужчин да, здесь абсолютное большинство, что приятно, и смотрят с восторгом, хотя как-то иначе, чем светские плейбои, но все равно с восторгом, уж она давно научилась понимать эти взгляды, а там уж неважно, кто смотрит: банкиры, финансисты, певцы, спортсмены или эти, как их тут, ученые...

– Вон там его лаборатория, – сказала женщина и добавила почему-то: – Удачи.

Аллуэтта дернула плечом, ей не надо желать удачи, она сама удача для всех и каждого, вон как все смотрят жадно и завидующе, даже спиной чувствует их взгляды.

Дверь лаборатории не отличается от такой же в любом из кабинетов, но она толкнула и вошла бестрепетно, с врачами еще не сталкивалась и бояться их не привыкла. За порогом остановилась, несколько ошалевшая от тесноты помещения, бардака и некой запущенности, среди которой пять сдвинутых столов, четыре какие-то установки, трое мужчин в белых халатах, что сразу же повернулись в ее сторону и вытаращили глаза.

– Здравствуйте, – сказала она властно, ни к кому не обращаясь. – Мне нужен Макс Руд, руководитель этой... гм... лаборатории.

Мужчины переглядывались, наконец один сказал вежливо:

– Нам он тоже нужен... Но он сейчас у директора... нет, уже, судя по времени, отбыл за партией мышек...

Аллуэтта поинтересовалась холодно:

– Куда? Мне он нужен срочно.

Мужчина сдвинул плечами.

– На складе одной из торговых организаций. На каком именно... кто знает? Хотите подождать?

Она поморщилась.

– Подожду, но не здесь.

Он ответил вежливо:

– Как изволите.

Она покинула эту запаршивленную лабораторию с уверенностью, что этот доктор наук ну просто не мог делать свои открытия здесь, ведь говорят же о храмах науки, а храмы – это храмы, не эта дикая помесь кладовки с каким-то цехом...

Судя по словам его сотрудника, Макс где-то в городе, Аллуэтта устроилась на переднем сиденье такси, благо теперь все без водителей, и никто не будет докучать вопросами, чего стоим и кого ждем, вывела голографическую панель на лобовое стекло и начала просматривать последнее шоу с выставки модной одежды на осенний сезон.

Городок тихий, за все время мимо прошли всего двое, потом кто-то пробежал вдалеке, но не Максим, слишком приземистый и толстый, таким только бегать, если не хотят корректировать фигуру у хирурга.

В какой-то момент ее сердце застучало чаще. Она всмотрелась в человека, что идет быстро от главного корпуса по дорожке из ограненного булыжника к выходу из научного городка.

Максим прошел через калитку, а из припаркованной у бордюра автомашины вышла женщина в ярком и весьма вызывающем платье, рослая, эффектная, таких он иногда видел мельком на плакатах, рекламирующих дорогие вещи, шикарные коттеджи или драгоценности.

Не успел сообразить, где ее видел, если видел, все-таки это не его круг, как она широко улыбнулась во весь рот, полный ослепительных зубов, сверкнувших, как солнце.

– Здравствуй, Макс!

Он остановился, чуточку ошалелый, не спутала ли она его с кем-то, но в следующее мгновение в затуманенном графиками и формулами мозгу вспыхнуло: это же та самоуверенная светская львица, что тогда... гм, хоть они и не в стенах научного городка, но даже рядом с ним такое даже выговорить стыдно.

– Простите, – выговорил он наконец, – вы та... что в отеле Кэпитэл Гранд... тогда... ну да, помню...

– Меня зовут Аллуэтта, – сказала она. – Разве я не говорила?

– Нет, – ответил он со старомодной вежливостью. – Этого вы не сказали.

– Да? А о чем же я говорила?

Он развел руками.

– Простите, не помню. Но не думаю, что это касалось воздействия ингибиторов апилазетигинга с бетаквазиныюслитерингом. Тогда бы я запомнил, уверяю вас.

– Тогда почему? – спросила она в упор. – Почему ты прикинулся жиголом?

– Разве? – поинтересовался он. – А мне кажется, вы просто подошли, взяли меня так это по-хозяйски и повели в свои роскошные покои. Как выяснилось, на вязку. Я и пикнуть не успел.

Она спросила задиристо:

– А что? Тебе было плохо?

Он сдвинул плечами.

– Да не скажу, но... знаете ли, барышня, приличные люди такие вопросы не обсуждают на улице.

– Зайдем в кафе, – предложила она и указала на гостеприимно распахнутые двери всего в сотне шагов дальше по улице.

– Простите, – ответил он церемонно, – однако мне весьма нужно идти. Даже надобно. Работы много. Работа – это такое занятие, как бы вам объяснить подоступнее... Нет, пусть кто-нибудь другой объяснит, я не сумею. До свидания.

Она сказала уже с нарастающим гневом:

– Как это? Здесь же я!

Он окинул ее внимательным взглядом и проговорил с некоторой задержкой:

– Ну да, вы... красивая и богатая, верно?

– Еще как, – ответила она гордо. – Я единственная дочь Фирестоуна Бретонского!

Его лицо не изменилось, он сказал только:

– Наверное, дочь чего-то очень важного? Извините, из всех шишек я запомнил только фамилию президента, да и то с трудом. Они же временные, а ученые – всегда ученые. Будьте здоровы, леди..

Он повернулся уходить, она ухватила его за рукав.

– Мой отец, да будет тебе известно, владеет капиталом в семьсот миллиардов!

Он спросил едко:

– А что такое бозон Хиса, он знает? Нет?.. А докторская у него по нейрохирургии или физиологии простейших? Нет? Ну тогда простите, леди.

Она вцепилась в рукав крепче, удержала.

– Ладно, но мы с тобой должны встретиться снова!.. Мы так хорошо потрахались!

Он поморщился, даже украдкой посмотрел по сторонам, да и она заметила, что вот там прошел кто-то и посмотрел на нее с осуждением на лице.

– Извините, – сказал он снова, – мне надо идти.

– Да что с тобой? – вскричала она. – У вас тут что, никто даже не трахается?

Он даже голову чуть втянул в плечи, сказал совсем тихо:

– У нас тихий университетский городок. Вам это не понять... Все, мне надо идти!

Он резким движением выдернул рукав из ее пальцев. Она не успела ухватить снова, как он пошел настолько быстрыми шагами, что, если бы захотела догнать, пришлось бы бежать, а такое на шпильках не просто трудно, это не так важно, но еще и некрасиво.

Вне себя от ярости она едва не разнесла изнутри автомобиль, но тот постоянно и тупо восстанавливал повреждения, не роптал, и в конце концов она велела отвезти себя в местную гостиницу, где сразу заказала самый роскошный номер.

Его номер отыскать удалось удивительно просто, никакой шифровки, что значит, никому не нужен и ни от кого не скрывается. Она сразу же сделала видеозвонок, ответа нет, она проверила, что там случилось, ответ пришел лаконичный: «Абонент не отвечает».

Позвонила еще трижды, должен был получить, где бы ни находился, а раз так, то, выходит, он внес ее номер и аватару в черный список, что вообще-то представить немыслимо, никто и никогда не осмелился бы пойти на такую потерю для себя, а ей нанести такое неслыханное оскорбление.

Снова пометалась в ярости, разнося номер, как древний гунн Европу, кое-как заставила себя успокоиться, ярость всегда непродуктивна, села и начала думать, как поступить дальше.

На второй день она встретила его, когда он после рабочего дня вышел из ворот научного городка. Максим вздрогнул, когда из припаркованного у обочины лимузина вышла эффектная женщина и загородила ему дорогу.

– Я сняла самый роскошный номер в вашем центральном отеле, – сообщила она. – Давай поговорим там. Что с тобой творится, Макс?

– Максим Максимович, – сказал он мягко и, перехватив ее непонимающий взгляд, пояснил: – Вежливость снова в тренде. Максим – это для друзей и одноклассников. Даже для одноклассников. Макс... даже не знаю для кого.

– Для меня, – определила она твердо. – Макс, твой рабочий день закончен, давай завалимся ко мне. Тебе же понравилось со мной трахаться, я же видела!..

Он покачал головой.

– Э-э... барышня...

– Аллуэтта, – напомнила она.

– Красивое имя, – сказал он вежливо. – Весьма, да, весьма. Аллуэтта, вы же сторонница разового секса. А я как бы из другой секты...

– Какой?

– Традиционных семейных ценностей, – пояснил он. – Потому мы с вами очень даже разные.

– А в том отеле?

– В отеле я был на международном симпозиуме, – пояснил он. – Где после научных диспутов подразумевается нечто отдохновительное... В командировке у многих «синдром командированного». Даже у крепко женатых. А здесь я дома.

Она поморщилась.

– Макс, я не знаю, почему ты мне так запал, но я сейчас пока не готова тебя бросить. Думаю, у меня даже испортится настроение... Да вот сейчас только подумала о таком, и уже мне хреново! Так что не отбивайся, мы этой ночью оторвемся по полной.

Он усмехнулся.

– Простите, барышня...

– Аллуэтта!

– Простите, – повторил он, – барышня Аллуэтта...

Он обошел ее и, покинув асфальтовую дорожку, пошел быстрым шагом через плотно засаженный высокими деревьями сквер, где на лимузине точно не протиснуться.

Глава 4

Следующие три вечера она поджидала его у выхода напрасно. Пыталась снова пройти в лабораторию, но двери не открывались, а когда просила провести идущих в том направлении мужчин, те вздыхали и говорили, что на все для нее готовы, но в тот корпус нужно иметь специальный допуск.

Она с тревогой смотрела в зеркало, в спальне ее роскошного номера их полдюжины в полный рост, лицо подурнело, а в глазах что-то непонятное, как будто страх и неуверенность, это же невозможно, она всегда знала, что любое препятствие разнесет в щепки, все у нее получится, все будет по ее капризу и желанию.

Мать выходила на связь несколько раз, в отеле это на высшем уровне, вся стена напротив ложа превращается в экран, лицо матери такое грустное, понимающее, но в глазах печаль и страдание, что вот ничего не может сделать, спасти, уберечь, как будто она, Аллуэтта, нуждается в такой ерунде!..

Позвонил отец, долго всматривался в нее с экрана поменьше, не любит чересчур огромные, это комплекс выросших из бедности, дотошно расспрашивал, что случилось, что намерена делать.

– Не знаю, – огрызнулась она наконец. – Пока ничего не знаю, папа. Здесь все иначе, чем там у нас. И люди другие.

Он невесело усмехнулся.

– Люди науки везде одинаковые, как и люди рынка. Мир уже един... Но, знаешь, у меня есть вариант.

Она насторожилась.

– Какой?

– Ты уверена, – спросил он, – что у них такая уж бедная лаборатория? Или преувеличиваешь в своем азарте?

– Точно!

– Тогда он гений, – проговорил отец дразняще.

– Что?

– Если он на таком оборудовании, – проговорил отец, – и в таких условиях делал открытия...

– Отец, – спросила она, – а что за вариант?

– Ты могла бы устроиться к нему в лабораторию, – сказал он тем же тоном. – На работу. И была бы рядом на законном основании.

– Отец, – сказала она рассерженно, – у тебя и шуточки!

Он покачал головой.

– Я серьезно.

Она поджала губы.

– Я что, доктор наук?

– Пойди лаборанткой, – посоветовал он. – Тебе какая разница? Да хоть уборщицей. Или тебя зарплата волнует?.. Зато будешь все время в его лаборатории на законном основании. Сможешь дожимать, как ты умеешь.

Она запротестовала:

– Отец! Когда это я кого дожимала?

– Просто не приходилось, – сказал он понимающе, – все и так тебя добивались. Но сейчас можешь проявить наш фирестоунский характер! Мы никогда не сдаемся и никогда не отступаем.

– Отец, – переспросила она в недоумении, – ты серьезно?

Он хмыкнул.

– Еще как, моя светская львица. Не знала, что, если не помогает львиная шкура, нужно надевать лисью? Или не сумеешь?

Она проговорила медленно:

– Даже не знаю...

– Эх ты, – сказал он, – большинства побед женщины добились как раз в лисьей шкуре! А еще немало в шкурке зайчиков, ха-ха, брошенных щеночков под дождем... Еще не поняла? Нет победы и нет вызова в том, что выберешь кого-то из стада, добивающихся твоего тела или моих, они же и твои, денег. А чаще того и другого. Победа – это когда получаешь то, что сама возжелала сильно и страстно!

Она повторила:

– Сильно и страстно... Ну, не знаю. Очень уж необычно.

Он сказал медленно и раздельно:

– Ты знаешь, чего хотят твои поклонники и все эти... плейбои. А чего хочешь ты?

Экран погас, только его крупное лицо некоторое время висело в воздухе, то ли в самом деле, то ли отпечталось в ее глазу. Но еще дольше оно осталось в памяти, умное и насмешливое. Когда-то давным-давно он спохватился, что она уже взрослая, у нее свой мир и свои друзья, авторитет которых намного выше родительского, и не стал бороться, что-то доказывать, а просто отошел в сторону и сказал, что она навсегда остается его любимой маленькой дочерью, а если ей станет плохо, он всегда даст ей поплакаться в его жилетку.

Тогда она посмеялась, как же, станет плакаться, когда перед нею не только распахивают все двери, но и красные ковровые дорожки раскатывают к ногам, а вот сейчас, конечно, еще не плачется, но что-то такое неудобное и непонятное начинает грызть изнутри.

– Чего хочу я, – пробормотала она. – Чего хочу я... Пока что хочу этого заносчивого доктора наук.

Она бросилась лицом вниз на постель, мысли как-то не шли дальше того, что он будет рядом. Даже бурный секс с ним отошел в прошлое, словно это было давным-давно, в детстве, да и что в нем такого, у нее и с другими получалось не хуже, что-то в этом нейрохирурге задело совсем другое, но никак не удается это ухватить, понять, вычленишь.

Снова и снова вспоминала, вертела так и эдак, наконец со странным чувством начала не столько понимать, как чувствовать, что дело вовсе не в сексе.

Почему-то в его руках в самом деле ощутила себя щеночком в больших и теплых ладонях, полных заботы и ласки. В тот момент показалось даже оскорбительно, она не щеночек, а львица, покорившая вершины гламура. О ней пишут и говорят, ее фото на обложках журналов, корреспонденты наперебой помещают ее фотки и ролики в самые престижные издания, на нее равняются, а стоит ей сменить серьги, как тут же миллионы женщины по всему миру делают то же самое.

Но теперь вдруг захотелось оказаться в его руках уже не львицей, а именно бестолковым щенком... Не пойму, как это отец все знал? Как он мог предвидеть? Конечно, он финансовый гений, но это же только финансовый...

Она гнала от себя это чувство, но оно только крепло, и вскоре с обреченностью поняла, что да, просто хочет быть с ним. Не ради секса, то мелочь, а ради... непонятно даже, для чего и зачем, но уже не просто хочет, а жаждет.

Наверное, жаждала еще тогда, когда прилетела в этот городок, только еще не разобралась, не было времени, а наплыв страстей был совсем другой, некая смесь обиды, злости, тщеславия, высокомерия, дикого непонимания...

День в лаборатории выдался трудный, операция на префронтальной коре взрослых мышей выявила странный эффект перехода нейронов в состояние, которое было у них же в юном возрасте, и хотя этого эффекта ожидали, но он оказался слишком заметным, выходящим за рамки ожидаемого.

Максим просмотрел записи, чем же новым воздействовали в последнее время, почему такой скачок и такой охват, когда омолодились почти все типы нейронов, а не только некоторые...

Пришлось задержаться на часок, потом еще на два, а когда вышел из лаборатории, потирая кулаками усталые от долгого глядения в окуляр микроскопа глаза, небо на западе уже окрасилось в багровые цвета.

По темнеющему своду пролегли исполинские полосы, похожие на свернутые в тугие рулоны ковры бухарской работы.

Хорошо, мелькнула мысль, летом дни длинные. Зимой вышел бы в глухую ночь. Надо соорудить что-то типа постели в комнатке за лабораторией, там только ящики сдвинуть...

Усталость навалилась так мощно, что мелькнула мысль вызвать такси, хотя до квартиры не так уж далеко, всегда пешком, а в минуты бодрости вообще проносился, как дурной олень, совмещающая приятное с полезной, как говорят, пробежкой.

Он заметил, как к тротуару подкатил роскошнейший по деловитости и строгости дизайнера лимузин, но даже не повернул голову. Лимузин некоторое время двигался наравне, затем чуть опередил, остановился у бордюра.

Водитель в униформе выскочил, улыбнулся и широко распахнул заднюю дверцу.

– Прошу вас, господин Максим, – сказал он. – Садитесь.

Максим дернулся: что за день такой выдался; даже сдвинулся, не сбавляя шага, на ту сторону асфальтовой дорожки.

– Простите, но я... не вызывал.

Шофер чуть-чуть улыбнулся.

– Нас может вызвать только Господь Бог. Садитесь, вас ждут.

Максим покачал головой.

– И не подумаю.

Лимузин продолжал двигаться с прежней скоростью, синхронизировав ее со скоростью Максима, автопилот свою работу знает, задняя дверца по-прежнему открыта.

Шофер шел между автомобилем и Максимом, улыбка до ушей, что-то его сильно забавляет, наконец сказал проникновенно:

– Вам ничего не грозит. В худшем случае вас подкинут до подъезда вашего дома.

Максим наклонился, стараясь разглядеть сквозь пускающее в глаза зайчики стекло лицо пассажира. На миг показалось, что там Аллуэтта, и он уже собирался отпрянуть, но вовремя рассмотрел крупного полнеющего мужчину средних лет, хорошо и достаточно консервативно одетого, что откинулся на спинку сиденья и рассматривает его с нескрываемым любопытством.

– Хороший день, – сказал мужчина доброжелательно, – правда?... Я Сильвестер Фирестоун, если вы еще не догадались.

Максим охнул.

– С чего бы мне догадаться... Господи, она еще и отца своего натравила!

Фирестоун сдержанно улыбнулся.

– Меня натравить трудно, к тому же моя дочь не подозревает, что я здесь. Иначе бы она мне устроила настоящий ад...

– У вас что, – спросил Максим настороженно, – ко мне какие-то претензии?

– У меня нет...

– У нее?... Я полагал, люди вашего уровня общаются только через адвокатов.

Фирестоун сказал мирно:

– Сейчас не тот случай. Может быть, сядете в машину? Здесь такой тихой район, в нашу сторону уже смотрят.

– А мне плевать, – ответил Максим – Да и вас это не волнует. Говорите, из-за чего вы здесь? Я спешу.

– Я глава строительной компании, – сказал Фирестоун. – А также владелец банка, пары фондов, сети супермаркетов и много еще чего, что газетчики зовут империей, потому что все это оценивается примерно в семьсот миллиардов долларов...

Он посмотрел на Максима, но на лице молодого ученого отразилось настолько четко отращивание, что Фирестоун добавил тут же:

– Это не хвастовство, как вы подумали. Это пояснение, что я могу и хочу вложить несколько миллионов долларов... даже несколько десятков миллионов в ваши разработки.

Максим поинтересовался враждебно:

– С какой стати?

Фирестоун ответил мирно:

– Во-первых, я ими воспользуюсь, если у вас получится быстрее, чем у ваших конкурентов.

– В науке нет конкурентов, – отрезал Максим – Мы постоянно обмениваемся результатами опытов. Простите, мне пора.

Он отступил на шаг и, вернувшись на тротуар, пошел быстрыми шагами, продолжая кипеть от непонятного даже самому себе негодования.

Лимузин продолжал неслышно скользить рядом с бордюром. Фирестоун сказал через открытое окно успокаивающим тоном:

– Хорошо-хорошо, я не то брякнул.

– Это уж точно, – буркнул Максим.

– Прошу прощения, – произнес Фирестоун с явным раскаянием в голосе. – Вы правы, я привык общаться с другим типом людей.

– Я тоже, – отрезал Максим – И не намерен менять свои привычки.

Фирестоун сказал из машины:

– Но суть вы поняли? Думаю, деньги никогда не бывают лишними, какими бы люди ни были разными.

– Дело не в деньгах, – сказал Максим непримиримо. – Когда нам выделяют гранты ученые покрупнее нас, они ждут научных результатов. Если выделите вы, то вам захочется, к примеру, чтобы мы танцевали стриптиз у вас в летнем дворце. Извините, научные круги не случайно избегают иметь с вами хоть какие-то контакты.

– Со мной?

– Я не имею в виду лично вас, – отрезал Максим. – Я говорю вообще о воротилах, для которых важнее всего прибыль.

Лимузин все так же катил почти рядом, впереди замаячила надпись «Кафе «Зайчик», а воротила строительного и прочего бизнеса сказал мирно:

– В такое же точно я в молодости бегал пить кофе. Потому постарался сохранить то кафе точно таким же. Пришлось для этого купить несколько домов вокруг... Давайте зайдем в это, за чашкой кофе объясню, зачем хочу это сделать.

– Говорите здесь, – предложил Максим.

Фирестоун развел руками.

– Когда я в лимузине, вы смотрите на меня, как на классового врага. А там, в простой и уютной кофейне, вполне демократичной, будем на равных.

Максим скривился, но промолчал: дело не в том, что Фирестоун мультимиллиардер, но он вдвое старше по возрасту, надо бы уважить, так быстрее отвяжется.

Когда он пошел к распахнутым дверям кафе, лимузин, резко обогнав, уже затормозил там. Шофер обогнул машину и распахнул дверцу перед Фирестоуном.

Тот вышел, крупный, массивный, не толстый, а именно массивный, когда весь из толстых широких костей, властный. Максиму даже почудилось, что эта власть распространяется не только на людей, но и на вещи. Стоит этому монстру захотеть, и гранитный бордюр станет медным, а то и вовсе золотым.

Максим остановился у двери, вежливо пропуская Фирестоуна. Тот кивнул, принимая, дескать, понял, это не к моим миллиардам уважение, а к моему возрасту.

Кафешка простая, выбор блюд невелик, как и напитков, потому что все автоматизировано.

Фирестоун сел за ближайший стол, Максим заказал по чашке кофе, дрон принес печенье и грациозно опустил на середину стола, после чего взвился под потолок и ушел на большой скорости.

– Итак, – сказал Максим – вы угадали, мы все, я имею в виду ученых, сражаемся за гранды от организаций, распределяющих финансы. Как ни крути, но деньги все еще двигатель не только торговли, но и науки. В какой-то мере, в какой-то мере... Но когда нам выделяют даже крохотный гранд, его выдают в три-четыре транша, и то после того, как мы предоставим какие-то убедительные результаты.

Он высыпал из пакетика сахар в чашку, а пока молча размешивал, присматривался к магнату. Раньше не приходилось видеть вживую вот так рядом человека, который стоит десятки, а этот так и вовсе сотни миллионов долларов.

Фирестоун некоторое время помалкивал, сахар оставил на блюдце, но кофе прихлебывал с удовольствием. Видимо, опасается, как решил Максим, диабета или просто наслушался про вред сахара.

– Момент щекотливый, – признался Фирестоун. – Вы поставили вопрос верно. Сразу быка за рога! В вас спит бизнесмен.

– Пусть спит вечным сном, – ответил Максим – Так что вам нужно? Я не поверю, что вы просто вдруг решили вложить деньги в научные исследования, что не принесут немедленной выгоды.

– Вообще-то я жертвую науке, – заметил Фирестоун, – но не сам, а через благотворительные фонды.

– Больше, – поинтересовался Максим, – чем на отлов бродячих собак или меньше?

Фирестоун сдержанно улыбнулся.

– Честно скажу, не знаю. Но сейчас это мое решение. Личное.

– Что я должен сделать в ответ? – спросил Максим. – Петь у вас на дне рождения «Хэппи бёстдей»? Ходить в костюме зайчика?

Фирестоун покачал головой.

– Вы правы, условие есть.

– Ну-ну?

– На мой взгляд, – произнес Фирестоун, – оно совсем пустяковое. Кто-то, напротив, ухватился бы за него с радостью. Еще и мне бы доплатил. Но вы... вы крепкий орешек.

– Говорите, – сказал Максим мрачно.

Настроение портилось все больше, даже багровое солнце зашло за покрасневшую вечернюю тучку, и на порог кафе легла красноватая тень.

Он помешал кофе еще разок, словно от этого станет слаще, взглянул на магната.

– Вам нужно будет взять на работу Аллуэтту, – произнес тот бесстрастным голосом.

Максим охнул.

– Что? Вы шутите?

– Какие шутки, – произнес Фирестоун устало. – Я бизнесмен, это серьезное деловое предложение!

– Нет, – отрезал Максим. Он едва сдержался, чтобы не ответить еще резче. – Нет и нет!.. Будь она даже доктором наук, но, подозреваю, ее квалификация лежит совсем в другой области.

– Увы, – ответил Фирестоун. – В той области, какую я тоже не одобряю. Хотя и там у нее вряд ли квалификация, это общее такое поведение золотой молодежи. Вы в чем-то старомодны, как и я. Мы с вами оба чересчур заняты своей работой, чтобы обращать внимание на то, какой расцветки галстуки носят в этот сезон.

– Так зачем же?

Фирестоун вздохнул, развел руками.

– Благодаря вам у меня появился шанс повлиять на нее в лучшую сторону. Вы же понимаете, это я делаю не для вас, а для нее... а если еще точнее, для себя. Это когда-то миллионеры оставляли нажитое детям, а те все пускали по ветру, а теперь в тренде деньги оставлять благотворительным фондам, отдавать на исследования, а своим детям... ничего, кроме хорошего образования. Дескать, пусть пробивают дорогу сами!

– Разумно, – буркнул Максим.

– Когда мы встречаемся в своем узком кругу, – сказал Фирестоун, – каждый как бы вскользь роняет, что его сын или дочь получили степень магистра, сколотили первый миллион, совершили первую удачную сделку... А что могу сказать я?

– Да уж, – сказал Максим с сарказмом, – однако, простите, но мне и миллиарды не нужны, если в придачу придется пустить вашу дочь даже на порог лаборатории!..

Фирестоун посмотрел на него пытливо.

– Вы серьезно? Подумайте. Я могу вложить как десять миллионов, так и двадцать. Сколько уникального оборудования сможете купить? Насколько быстрее пойдут ваши исследования?

Максим ответил прямым взглядом. Перед ним сидит бизнесмен до кончиков ногтей, за его глазами стального цвета чувствуется мощный мозг, что как у богомола, рассчитывающего, как схватить добычу, такой видит только самые прямые и быстрые пути.

– Простите, – ответил он, – что не оправдываю ваши ожидания. Будь у меня машинный интеллект, я бы согласился, не задумываясь. Или... будь я бизнесменом. Но я, уж простите, нормальный человек.

Фирестоун ощутил, что Максим сейчас бросит на стол купюру и уйдет, не оборачиваясь, сказал быстро и настойчиво:

– Вы наверняка знаете, среди самых богатых людей мира хватает тех, у кого нет высшего образования, это Билл Гейтс, Джонс, Цукерман, Гарри Доу, Кранк, но хватает и тех, кто не сумел даже закончить школу!.. Их тоже, кстати, немало. Я тоже из них, представьте себе. Чтобы помогать больной матери, пришлось в тринадцать лет бросить школу и работать с утра до вечера, днем посыльным, а вечером мыл посуду в ресторане. Так что, догадываетесь, я знаю цену труду.

– Сочувствую, – с неловкостью сказал Максим.

Магнат отмахнулся.

– Не за что. Трудности выковали меня, я добился власти, богатства и уважения. Даже мать успел спасти, сейчас она в госпитале, который я выстроил специально для нее!..

– Очень... по-человечески, – ответил Максим с долей сочувствия, но голос его не смягчился.

– Потому мы могли бы вместе...

Максим поднялся.

– Сожалею, но я генетик, а не психиатр. Простите...

Он положил на стол деньги и быстро пошел к выходу из кафе. Переступая порог, ощутил, что бизнесмен хочет сказать или даже крикнуть вслед нечто важное, потому почти выпрыгнул на улицу, встретив слегка удивленные взгляды прохожих.

Глава 5

Ночью пригрезилось, что мнет под собой эту великосветскую сучку, а она стонет и страстно прижимается к нему, проснулся в самый интересный момент, брезгливо отодвинул простыню и заснул снова, однако утром, в момент пробуждения, эта красивая дурища ухитрилась присниться еще раз.

Злой, вскочил и ринулся в душевую кабину, подумал о работах Евгена, тот разрабатывает методы корректировки сна, дескать, нечего ему дикарствовать, пусть лучше обрабатывает то, что усвоилось днем...

Что-то у Евгена идет медленно и со скрипом, нужно дать ему помощника: в самом деле, это унижительно, когда доктор наук, светило чистой науки, ночью превращается чуть ли не в зверя, будто люди и не люди, а вообще поголовно оборотни.

Когда утром рано перешагнул порог лаборатории, там уже всюду трудятся Анечка, Евгений, Георгий и Джордж, тоже фанатики еще те, а теперь еще подстегивает надежда, что если удастся все же модифицировать группу генов, над которыми работают, то на себе испытают, каково это – стать действительно бессмертными.

Правда, только сами ученые знают, насколько далеко это бессмертие от тех сроков, что обещают читателям в поисках сенсаций газетчики.

Анечка заулыбалась навстречу, ее полное румяное лицо стало еще шире, а глаза превратились в щелочки.

– Ах, Максим Максимыч, – пропела она мягким голосом с украинским акцентом, – только что прошел Данил Алексеевич и велел, как только вы появитесь, сразу же к нему!

– Ого, – сказал Максим невольно, – он же спит до полудня!

Она хихикнула.

– А вот сегодня пришел раньше вас.

– Что-то в лесу сдохло, – пробормотал Максим, – хотя... может быть, из министерства поступило разрешение на апгрейд? Мы не так уж и много просили...

– Не задерживайтесь, – посоветовала она. – Чем скорее узнаете, тем дольше мы потанцуем на столах!

Джордж и Георгий сказали в один голос:

– Шеф, мы скрестили пальцы. Ни пуха!

Секретарша Томберга сделала Максиму глазки и поулыбалась, все-таки завидный жених, взглядом указала на массивную дверь директорского кабинета.

– Рано он сегодня, – сказал Максим.

– Наверно, – прошептала она, делая большие глаза, – хорошие новости.

Максим прошел мимо ее стола, Светочка уже опустилась на свое место, хорошенькая настолько, будто даже печатать не умеет, а он потянул дверь на себя, чувствуя, что открывает вход в Национальное Золотохранилище.

В добротно и чуточку старомодно обставленном кабинете за массивным столом величаво расположился директор научно-исследовательского центра, тот самый академик Томберг Данил Алексеевич, который, знаете ли, десять лет тому добился в своей лаборатории направленного роста нервной ткани, за что получил высшие награды. Только нобелевку перехватили другие, тот год оказался очень удачным на великие открытия, а когда его назначили здесь главой, сумел совместными усилиями добиться прорыва в комбинаторике генов, что обеспечило создание лекарств, почти покончивших с проблемой рака, кроме самых редких видов, связанных с другими болезнями.

Огромный и крупный, он царственно вышел из-за стола и протянул руку, что сразу настояло, хотя директор еще из той эпохи, когда рукопожатие считалось церемониальным актом,

что-то да значит. Тогда были и «нерукопожатные» люди, как бы исключенные из приличного общества, так что рукопожатие означало степень доверия выше чем среднюю и даже служило знаком приобщения к некоему общему кругу.

Максим принял ладонь директора в свою и стиснул, это и есть обмен рукопожатиями, что в старину чем-то да служило важным. То ли проверяли друг друга на крепость мышц, то ли что-то сакральное, а сейчас нечто древне-ритуальное, непонятно для чего и существующее, просто никому не пришло в голову отменить, что-то вроде галстука, который не греет и не украшает, а так, тоже непонятное.

И, как все больше народу отказываются от галстуков, так и все больше не прибегают к дикарскому обряду рукопожатия, а когда это случается, то это нечто необычное, с особым смыслом.

Томберг с силой сжал пальцы Максима, тоже что-то означает, то ли некий знак, то ли хвастается, что еще силен и крепок.

Продолжая улыбаться, кивком указал на кресло справа от стола, куда усаживал только друзей и тех, с кем собирался вести приватные беседы.

– Максим Максимович, прошу вас...

– Спасибо, Данил Алексеевич, – ответил Максим, – прекрасно у вас здесь. Мягко, уютно, добротно.

– Будет еще уютнее, – пообещал директор. – Ха-ха, я имею в виду, во всем нашем центре, особенно – у вас.

Заинтригованный и заранее обрадованный, Максим опустился на краешек и смотрел с жадным ожиданием, как неспешно усаживается сам директор.

– Данил Алексеевич?

Директор сказал благодушно:

– Сигару? Ах да, вы же не курите...

– Вы тоже, – напомнил Максим. Что-то в словах Томберга и даже движениях начало потихоньку настораживать, раньше тот всегда начинал с самой сути. – Данил Алексеевич?

Директор откинулся на спинку кресла, лицо стало деловым, а взгляд царственно строгим.

– Максим, – сказал он, – нам поступило очень выгодное финансовое предложение со стороны. Вашу лабораторию можно будет значительно расширить, принять на работу трех-четырех сотрудников высокой квалификации, а также заменить часть оборудования на более современное.

Максим ощутил, как сердце начало радостно подпрыгивать и отстукивать праздничную чечетку, ничуть не сбиваясь с ритма. По телу пошла теплая волна чистого и ничем не замутненного счастья.

– Данил Алексеевич!

Директор сказал с довольной улыбкой:

– Я даже навел справки насчет ККК-ЗС... Третью установку уже собрали и заканчивают отладку, проверку и окончательную юстировку. Обладателями этого уникального агрегата можем стать мы.

Максим прошептал:

– Это серьезно?

– Полностью, – ответил директор, он весь светился радостью и довольством. – Через неделю, а то и три-четыре дня будет она стоять в вашей лаборатории.

– Ушам своим не верю!

– Одна в Кембридже, – сказал Томберг величаво, – вторая в Токийском, третья у вас...

Максим проговорил:

– Я просто ошалел... Как долго мы ютились, будто нищие, чуть ли не в подсобке, всю аппаратуру собирали своими руками! Ну теперь-то рванемся...

Директор произнес с доброй отеческой улыбкой:

– Это да... вы наша наибольшая надежда, Максим Максимович...

Но в его улыбке что-то таилось, у Максима создалось впечатление, что директор чего-то важного недоговаривает, хотя это может быть и неважное для директора, но что для слона дробина, для мыши бронебойный снаряд...

Нехорошее предчувствие проклюнулось в груди и еще не сжало сердце холодными лапами, но Максим проговорил осторожно:

– Данил Алексеевич, надеюсь, это не сопровождается никакими условиями? А то я что-то в последнее время стал таким пугливым, таким пугливым. Тени своей боюсь, представляете?

Директор широко и открыто улыбнулся.

– Правда? А вы мне казались рыцарем, не знающим страха и упрека.

– Рыцари многого страшились, – ответил Максим вежливо, – даже больше, чем просто-людины. Например, уронить честь.

Директор покачал головой.

– Максим Максимович, – сказал он с мягким укором, – как вы могли подумать, что я предложу вам что-то такое... гм... роняющее честь исследователя!

– А просто честь? – спросил Максим. – Мне почему-то вдруг показалось, что вам нужно в чем-то меня не то наклонить, не то повыкручивать малость руки... Нужно кого-то взять в соавторы?

Директор приподнялся в кресле, грозный и смахивающий на мудрого престарелого льва.

– Что? Да вы даже не дослушали!

Максим пояснил так же вежливо, стараясь не показывать, что внутри у него уже что-то трясется, как овечий хвост:

– Вчера мне поступало предложение от одного финансиста. Если приму на работу его дочку, великодушно отстегнет мне десяток миллионов долларов на обустройство лаборатории. И, надо думать, на высокое жалованье для той сучки. Скажите, что у вас не это паскудное предложение, и я на коленях принесу свои извинения!

Директор некоторое время испепелял его взглядом, затем чуть осел, лицо потеряло монументальность, а голос утратил львиный рык:

– Максим Максимович... я не понимаю вашего упорства.

Максим спросил с горечью:

– В самом деле не понимаете?

– У вас работают трое!.. – сказал Томберг веско. – Плюс ваша Анечка, вечный младший научный сотрудник... Ну, появится четвертый. То есть пятый. Вам незачем обращать внимание на очередную лаборантку! Она будет всего лишь мыть пробирки и вытирать столы. Но зато двадцать миллионов... вы представляете, что можно на них сделать? Надо брать, Максим Максимович! Иначе тот самодур истратит их на покраску своей новой яхты!

– Нет, – отрезал Максим.

Он поднялся, директор тоже воздел себя по ту сторону стола, огромный и массивный.

– Это у вас личное?

– Абсолютно верно, – ответил Максим.

– Личное оставьте за порогом лаборатории, – велел Томберг.

– Нет уж, – сказал Максим и почувствовал, что его начинает трясти от необъяснимого бешенства. – Нет уж, Данил Алексеевич!..

– Но я настаиваю! Это мое решение...

– Данил Алексеевич, – ответил Максим неожиданно для себя очень сдержанно, – вы вольны приказывать, вы директор. Но мы не в армии.

Он сорвал с груди кусок пластмассы, вытащил из нагрудного кармана пропуск и все бросил на стол.

Томберг охнул.

– Вы с ума сошли!

– Все, – отрезал Максим. – Данил Алексеевич, расчет пусть пришлют по почте.

Он развернулся, сердце барабанит в груди яростно, пнул дверь кабинета и вышел, белый от ярости, чувствуя, как кулаки стиснулись до скрипа кожи.

Вечером он ходил взад-вперед по квартире, умный дом чуть не сошел с ума, увлажняя воздух перед ним и зажигая свет, а потом гася за спиной, однако хозяин почему-то разворачивался и шел обратно, сердце стучит, давление подпрыгивает, браслеты на обеих руках испищались, предупреждая, предостерегая и даже угрожая, что еще на два деления подпрыгнет, и все, начнут колоть успокоительное.

Да и с сердцем не все в порядке, с завтрашнего дня рекомендуется пробежка в три километра, тридцать отжиманий от пола и пять подтягиваний на перекладине... вот на большом экране примерные упражнения, обязательно обратите внимание на положение ног при отжимании от пола, если будет трудно, то можно «женский вариант»...

Он сердито вырубил заботливого подсказчика, а в это время женский голос коммуникатора спросил мило:

– С вами хочет поговорить Френсис. Разрешить, отклонить, в черный список?

– Разрешить, – сказал Максим торопливо. – Я тебе дам в черный список! Тоже мне шуточки... Доступ полный.

Из мобильного раздался веселый голос, на экране появилось огромное лицо Френсиса, улыбается во весь рот, но, когда заговорил, Максим уловил неприкрытую укоризну:

– Привет, Максим. Говорить можешь?

– Язык еще не отрезали, – ответил Максим вяло.

– Да вдруг у тебя там в постели куча баядерок, – предположил Френсис.

– У тебя полный доступ, – напомнил Максим. – Видишь не только комнату, но и что в шкафу... Как ты там?

– В сомнениях, – ответил Френсис – Только что звонил ваш директор...

Максим изумился:

– Сам Томберг?

– Представь себе, – ответил Френсис. – С видом своего кабинета, это чтоб я не усомнился, что это он. Хотя знаю, он по старинке предпочитает голосовую связь без видео.

– И что сказал? – спросил Максим. – Заранее поздравляю. Все-таки Томберг... Звездее его у нас только сами звезды.

Френсис ответил очень серьезно, а взгляд не сводил с лица Максима:

– Да как тебе это подать... гм... сперва сообщил, твоя лаборатория получает неслыханное финансирование. Здорово, да?.. И что ты можешь позволить себе взять двух-трех новых сотрудников. И что если меня пригласишь, мой оклад будет почти вдвое выше... плюс перспективы. Сказал, что можно закупить даже ККК-3С, а их пока только две в мире, а третью заканчивают монтировать!.. Я даже удивился, что первым мне сообщил такую новость не ты.

Максим продолжал молчать, Френсис посмотрел на него с вопросом в глазах, подул в микрофон с такой силой, что у Максима взвились волосы.

– Знаешь, – произнес наконец Максим, – тут такое дело...

Снова помолчал, не зная, как объяснить, последовала долгая пауза, и Френсис сказал другим тоном:

– Ладно, я понял.

– погоди! – крикнул Максим – Ничего ты не понял!..

– Тогда объясни, – сказал Френсис.

– Конечно же, – выпалил Максим, – я рад был бы тебя заполучить в свою команду, но... я сегодня уволился.

Френсис охнул:

– Чего-чего? Погоди-погоди, дай-ка рассмотрю тебя. Что-то ты мне почему как-то не очень...

Максим смолчал, стодюймовый экран вспыхнул и на соседней стене, там возникло огромное встревоженное лицо Френсиса с такими же огромными вопрошающими глазами.

– Так что случилось? – повторил он.

Максим промолчал, как-то трудно объяснять такое. Да и в глаза Френсису трудно смотреть. Тот ко всему относится иначе. Он и в быту останется ученым, а вот он, Максим, начинает понимать, что он блестящий нейрохирург только в лаборатории, а за ее порогом может превращаться в павиана, как вот сейчас, злого и склочного.

– Уволился, – повторил он вяло.

– А как же, – спросил Френсис жадно, – финансирование?

Максим буркнул:

– Знаю, тебе хочется услышать, что финансирование останется. И когда ты перейдешь к нам, то возглавишь лабораторию. Таким образом ККС-ЗС будет полностью в твоём распоряжении...

Френсис сказал сердито:

– Я могу и обидеться за такие шуточки! Сам знаешь, у меня характер не руководительский. Я и против тебя буду строить козни и заговоры заговаривать, трудовые коллективы против тирана поднимать на борьбу... Так что стряслось?

Максим вздохнул.

– Ты же знаешь, в каком диком мире все еще живем! Даже не знаю, хорошо ли, что удалось увеличить продолжительность жизни еще на двадцать лет. Может быть, нужно было подождать, пока они вымрут?

– Вымерли бы и мы, – напомнил Френсис.

– То-то и беда, – сказал Максим. – А если попробовать перебить всех дураков и сволочей, останемся вдвоем на голой планете. Да и то ты признался, что бунтарь, да?.. Ладно... В общем, то мощное финансирование, о котором сказал Томберг, получу только при условии, если возьму на работу дочку одного строительного магната.

Максим сказал озадаченно:

– Блин... Какая-нибудь полная дуреха да еще и уродина со стервозным характером.

– Все так, – согласился Максим – Только не совсем уродина, хотя все равно не в моем вкусе. В общем, ты ее видел.

– Что-о-о?

– Помнишь, – сказал Максим – после конфы мы вышли пропустить по стаканчику в баре? В нашем был ремонт, нас перенаправили в соседний корпус...

Максим протяжно вздохнул.

– Ты что... намекаешь, что вон та ослепительная красотка, что увела тебя на вязку... Серьезно? Так хватай же ее, хватай!.. За такую самому можно приплатить, а ты еще и рыло воротить?

Максим сказал раздраженно:

– А на хрена она мне и вообще нам?.. Ты же представляешь, что начнется в лаборатории, где нас уже четверо и ни одной женщины?

– А ваша Анечка? – спросил Максим.

Френсис помотал головой.

– Она тоже мужчина. Или как бы. В общем, если и женщина, то всем родная сестра. Мы все умы! А с этой Аллуэттой можем превратиться в стаю павианов!

– Красивое имя, – сказал Френсис с видом знатока.

Максим отмахнулся.

– Я его где-то встречал в какой-то байме. Но там я эту Аллуэтту брюхатил несколько раз... Мне тогда было четырнадцать, сам понимаешь запросы. А сейчас я прежде всего глава лаборатории, что в шаге от очередного прорыва в медицине!

Френсис подумал, вздохнул, сказал уже рассудительно:

– Не настолько уж мы и дикие. Хотя, конечно, временами и местами еще те павианы... С другой стороны, можешь расширить лабораторию, перевести эксперименты на более высокий уровень... Эх, мне так хотелось с тобой поработать! Чувствую, вдвоем бы горы своротили! У меня столько идей как раз по твоему направлению... Максим, может быть, все же... какой-то компромисс?..

Максим буркнул:

– Пойти на унижение?

– Блин, – сказал Френсис, – какое это унижение?.. Ну поставь директору еще какие-то условия!.. Хочешь, я сам ему предъявлю ультиматум от твоего имени?

– Какой?

– Ты говорил, – напомнил Френсис, – у вас помещение как в грузовом лифте?.. Пусть выделяют что-то повместительнее. Особенно если прибудет ККК-3С. Уж эта штука не может стоять в сарае!.. Урон престижу вашего центра!.. Из-за этой установки его будут упоминать чаще, зауважают больше!.. Как же, обладатели третьей в мире штуки, что обошлась почти в стоимость коллайдера, а делает намного больше!

Максим пробормотал:

– Это все звучит хорошо...

– А что еще? – спросил Френсис напористо. – Аллуэтта?.. Так ее пихают не в руководители проекта?.. Пусть себе моет пробирки и вытирает столы. Можно еще посылать за пирожками и кофе.

– Этого я ей не доверю, – огрызнулся Максим.

– Боишься, – сказал Френсис понимающе, – что споткнется и прольет горячий кофе на твое причинное место?.. Ладно, если сама же и поторопится вытереть...

Максим сказал со злостью:

– Прекрати! Тебе шуточки, потому что не тебе терпеть эту дуру!

– Почему? – изумился Френсис. – Я думал, всем нам придется терпеть! Но если возьмешь еще хоть пару сотрудников, то эту мелкую неприятность распределим на всех так, что и не заметим. Ты же сам знаешь, кого можно привлечь... например, Ганса Крюгера и Марка Петренко...

– Не пойдут, – сказал Максим. – Они в Кембридже, там перспективы.

– А не у тебя? – возразил Френсис. – У кого третья в мире установка ККК-3С?

– Ее еще нет.

– А если будет?

Максим рассерженно умолк.

Глава 6

Френсис звонил еще трижды. В первый раз сообщил, что директор готов выделить под их лабораторию целый зал и в нем настроить кабинетов, а если сотрудники восхотят, то можно обойтись одними перегородками.

И в третий раз сообщил, что ККК-3С уже закуплена, деньги переведены, сегодня же погрузят и со всеми предосторожностями доставят через океан прямо в их лабораторию, где расконсервируют и подготовят к работе.

Максим угрюмо промолчал, а Френсис почему-то вздохнул и сказал упавшим голосом:

– Это все останется в лаборатории, даже если ты не вернешься.

Максим пробормотал:

– Вот Георгу и Джорджу повезло... Как и Анечке.

– Повезло, – согласился Френсис. – Более того...

Максим насторожился.

– Что еще?

– Ты победил, – сказал Френсис. – Ты победил, Максим.

Максим сказал досадливо:

– С какой стати? Я уволился.

– Мне поручено сказать тебе, – проговорил Френсис негромко, и оттого получилось очень весомо, – что если ты так против, то единственное условие, так тебя взбесившее, изымается.

Максим ощутил, что не верит своим ушам.

– Что-о-о?

– Ты можешь вернуться на работу, – сказал Френсис. – В новое помещение, где будет установлена ККК-3С. И можешь набрать новых сотрудников. Все будет как ты и хотел. Тот магнат понял, что поступает неправильно и... отступил.

– А как же финансирование?

– Оставил в прежнем объеме, – ответил Френсис. – Да тут никакое не благородство, старик! Что для него двадцать миллионов долларов?.. В общем, о той дуре можешь забыть. Больше ее не увидишь. Возвращайся. Директор сказал, твой пропуск все так же лежит у него в столе. Ни о каком твоём увольнении речи не было. Он сказал, что ты устал и взял отпуск на недельку.

Максим сказал с досадой:

– Тогда что получается, я его кинул?.. Переиграл, как они там у себя говорят? Сумел все провести так, что и деньги получил, и его на хрен послал?

Френсис ухмыльнулся, щелкнул пальцами, и вокруг него на экране с легкими щелчками начали взрываться фейерверки, а потом поднялись и величаво поплыли вверх разноцветные шарики. Некоторые выплыли в комнату Максима, почти неотличимые от реальных, только уходят в потолок беззвучно.

– Здорово? – спросил он. – Вообще-то, ты молодец. Не ожидал от тебя такой железной хватки. Ты настоящий руководитель!..

– Да пошел ты...

Френсис понизил голос:

– Не бойся, никому не скажу, что вышло случайно. Все будет представлено, как твой холодный расчет, когда каждая мелочь предусмотрена, взвешена и учтена.

– Спасибо, – буркнул Максим. – Похвалил так похвалил... Будто помоями облил.

– Ты чего? – изумился Френсис. – Мы ученые или кто?.. У тебя что, мерехлюндии?

– Знаешь, – проговорил Максим нехотя, – тот магнат признался, что он с тринадцати лет вынужденно бросил школу и пошел работать, чтобы помогать больной матери. И так у него пошло-поехало, он работал с утра до ночи, не зная ни выходных, ни отпусков... Женился

уже миллионером, жена из красивых и образованных, но крайне бедных, вот и разбаловали дочку, давая ей все, что самим недоставало в детстве... Он винит себя за ее разбалованность, но теперь сделать уже ничего не может.

Френсис хмыкнул.

– Удивил! Разве для нас с тобой мнение нашей компашки не всегда значило больше, чем родительское? Особенно когда друзья зовут веселиться и отрываться, а родители нудно долбят о необходимости учебы, дисциплины...

– Вот-вот...

Френсис спросил с интересом:

– И что?

– Да так, – ответил Максим со злостью. – Вот теперь и думаю, кто кого переиграл.

Френсис ахнул.

– Ты что? Ты что задумал?

– Пока ничего, – огрызнулся Максим. – Но как-то гадко. Этот магнат оказался благороднее. А я, выходит, последнее говно?

– Ну, – запротестовал Френсис, – совсем не последнее, что ты такое на себя говоришь?

– Ну спасибо, – сказал Максим саркастически. – Этот магнат предположил, что его разбалованная дочка, потершись в нашем коллективе, увидела бы другую сторону... и, может быть, поняла, что та не менее интересна, чем прожигание жизни в ночных клубах.

Френсис покачал головой, глаза стали очень серьезными.

– Максим, – сказал он с предостережением в голосе, – тебе это надо?.. Ты ученый, как и я, только я круче, что естественно. И давай заниматься наукой. Мы в одном шаге от настоящего бессмертия!.. Каким житейским мелочам позволено не то чтобы остановить, но даже замедлить на шагок нашу великую работу?

Максим вздохнул, подумал, Френсис молчал и, приблизив голову с экрана, нависал над ним в массивной трехмерности, наблюдал, как медленно меняется лицо Максима, когда мысли и чувства борются, побеждают, уступают, идут на компромиссы.

– Не знаю, – сказал Максим нехотя. – Я не то чтобы ответить благородством на благородство, просто я из тех, кто выполняет условия контракта, даже если тот не скреплен подписями. Договор есть договор. Тот магнат выполнил со своей стороны все. Я должен либо отказаться, либо взять... все, как и было в договоре.

Френсис посмотрел с интересом.

– Хотя можешь взять только часть? В смысле взять деньги и оборудование, но не брать в придачу дочку?

– А честь? – спросил Максим. – Когда-то такое понятие существовало. Возможно, у торгашей ее давно нет, но мы, ученые, единственные наследники рыцарских традиций. Если и мы, ученые, утратим честь и достоинство, что будет с миром?

Френсис прервал:

– Понял-понял, к чему склоняешься, как деревцо под ветром обстоятельств. Ишь, как я загнул! Во мне поэт помер. Крупный, как я думаю. Я вообще-то во всем крупный, кроме роста. Ладно, поэтов не жалко. Но тогда да, получается, этот торгаш тебя обыграл!.. Он рассчитал, что ты со своими понятиями о чести не сможешь деньги взять, а его дочку в зад пинком.

– Возможно, – согласился Максим, – но сути это не меняет.

– Точно?

– Я должен, – сказал Максим, – либо взять все, либо не брать ничего.

– Тогда сделаем так, – сказал Френсис быстро, по его виду Максим понял, тот все еще страшится, что Максим откажется вернуться в лабораторию. – Эту красотку берешь лаборанткой с условием не приближаться к тебе и твоему столу! Ну, как в штатовских судах запрещают разведенным супругам приближаться друг к другу ближе, чем на сто метров... Ей будет поз-

волено убирать у всех, но не у тебя. Ты лучше будешь гордо тонуть в говне, чем позволишь ей пройти там с тряпкой. И вообще на нее можно надеть паранджу или хотя бы хиджаб! Мы это проведем по статье толерантности и усиления мультикультурности. Или в знак протеста против агрессии США в Ираке... или в Иране... где они сейчас добывают нефть?

Максим уже не слушал, машинально поднялся и ходил по комнате, а Френсис вытягивал шею, пока еще не в состоянии выдвинуться из экрана и подойти, похлопать дружески по плечу.

– Не знаю, – ответил Максим после долгой паузы. – Завтра позвоню Томбергу...

– Не надо, – сказал Френсис живо, – лучше я ему сам позвоню. Сегодня. Сейчас. А ты мне место для работы организуй. И уголок... Понимаешь, я решил, что хватит ставить эксперименты на бедных мышках...

– Перейдешь на крыс?

Френсис сказал протестующе:

– Разве это скачок? Я вот тут стадо слонов присматриваю. Лучше африканских, они мельче индийских, а генокод не отличается. Зато можно взять на пару слонов больше.

Он захохотал, очень довольный, Максим еще не отошел от шока и чувствовал, что выглядит глупо, не различая грань между серьезом и юмором.

Когда Максим утром переступил порог лаборатории, навстречу бросилась с опущенной головой молодая женщина в плотно повязанной косынке на странный манер. Он даже отступил на шаг, а она встала на колени и быстро-быстро протерла перед ним пол влажной тряпкой.

Он не сразу сообразил, что это и есть Аллуэтта, край косынки надвинут по самые брови, так носили комсомолки двадцатых годов прошлого столетия, платье простое ситцевое, розовые уши свободны от тяжелых гроздей бриллиантов, а высокомерной надменности в согнутой спине не больше, чем воды на Солнце.

Георгий, Джордж и Анечка сдержанно улыбаются, он перевел дыхание и, торопливо входя в роль руководителя проекта, оглядел их грозными очами.

– Это что еще за шуточки?

Георгий торопливо сказал от своего стола:

– Обряд инициации!.. Посвящение в коллектив.

– Масонское общество дверью дальше, – буркнул Максим. – А здесь лаборатория. За такие шуточки буду изгонять из стаи.

– А меня можно вместо изгнания оставить без обеда? – пискнула Анечка.

Максим окинул хмурым взглядом ее пышное тело.

– Нет, – отрезал он.

Аллуэтта распрямилась, голова покорно опущена, глазки долу, в руках с роскошным маникюром влажная тряпка, точно такая же, какой вытирали пыль и грязь еще в кабинетах Павлова и Мечникова, дикий анахронизм в век автоматике.

Максим молча прошел дальше по залу, что вовсе не зал, а отныне его лаборатория. Странное ощущение, здесь бы самолеты собирать, а не эксперименты на бедных мышках проводить. Переумудрили, на самом деле столько места и не нужно, не соревнования же по футболу проводят, ну да ладно. Томберг пожалничал, не верил, что получится, а магнат взял и в самом деле оплатил и закупку уникальной установки, да еще и отстегнул эти жалкие для него двадцать миллионов.

Все пятеро, теперь еще и Аллуэтта, он чувствовал, провожают его взглядами, но оглядываться не стал, все равно тут же уткнутся мордами в окуляры микроскопов, начнут всматриваться в экраны или спешно записывать мышинные теломеры.

И вообще не его дело общаться с полотерами. Хотя эту дуру взяли на ставку лаборанта, но это все равно почти полотер, разве что обречена с утра до вечера мыть и вытирать не пол, а пробирки.

– А где Френсис? – спросил он в пространство.

– У директора, – сообщил из-за спины торопливый голос Анечки. – Здесь он в твоём распоряжении, а там получает ключи от его квартиры.

Максим буркнул:

– Может быть, ещё и автомобиль?

– Точно, – обрадованно сказала Анечка и добавила лстыиво: – Все вы заранее знаете, шеф!.. «Теслу» последней модели только что подогнали к воротам.

– Ничего себе, – сказал он озадаченно. – Ладно, все за работу!.. А где стол Френсиса?

Джордж крикнул издали:

– Хотели поставить рядом с вашим, но Данил Алексеевич сказал, что вы оба неуживчивые гады, вас лучше в разные углы ринга. И мы решили соблюсти принцип золотой середины... Георг, не смей хихикать! Я совсем не то имел в виду. Вон там стол Френсиса и все остальное.

Максим демонстративно не обращал внимания на остальных, весь как бы в делах, а Френсис, понимая, что некоторые особо деликатные функции заведующего нужно бы выполнять другим, со вздохом вылез из-за стола и пошел к Аллуэтте.

Выражение его лица постоянно менялось, он то видел перед собой ослепительно красивую женщину, и в глазах блистал восторг, то простую лаборантку, и рука тянулась взять ее за булочки, но, когда она подняла голову и посмотрела ему в глаза, он ощутил с холодком во всем теле, что перед ним наследница миллиардов, а сам он начинает смотреть на нее чуть ли не заискивающе, разозлился на себя и сказал с превосходством классового противника, взявшего власть в Институте благородных девиц:

– Мадам, вам предстоит раз в день перемывать все пробирки и колбы. Вне зависимости от того, использовались они или нет. Вообще чистота здесь должна быть идеальная... нет-нет, сюда нельзя приводить толпу ваших служанок.

Аллуэтта слушала молча, ежесекундно напоминая себе о разговоре с отцом. Тот с такой уверенностью заявил, что она не доработает и до обеда, что будь этот вот не парнем, уже бы дала по гнусной наглой роже. Отец утверждал, не доработает вовсе не потому, что будут обижать. Просто в лаборатории нормальные люди, как вот этот, что либо таращит глаза на ее сиськи, она их решила не очень-то и прятать, либо смотрит так, будто вот-вот ударит.

Отец сказал, что если не к обеду, то к концу дня точно сорвется, завизжит в истерике избалованной светской куклы и убежит с визгом и воплями.

Когда Френсис закончил перечислять, она поинтересовалась:

– Как, это все?

Он изумился:

– Вам мало?

– А как же пересчитать все маковые зерна, – спросила она, – что высыпались из мешка? Вымыть лапы вашей кошке?..

Он отмахнулся.

– Это оставим на завтра. А мешок мака будет перемешан с просом, так что будет намного легче. Просо в одну горку, мак в другую. Вам понравится.

– Мне уже нравится, – заявила она.

– Вот и отлично, – сказал он. – А пока сделайте мне большую чашку кофе. Можно бы и нашему шефу, но, полагаю, сразу подеретесь, так что лучше не приближаться... Шеф нам еще нужен.

– Спасибо за предупреждение, – сказала она.

Он усмехнулся.

– Не за что. Вам у нас понравится.

– Я уже в восторге, – сообщила она с мокрой тряпкой в руках. – Мне пробирки вытирать вот этим?

– Для пробирок у нас особые салфетки, – сказал он. – Извините, спирт, которым протирали пробирки в прошлом веке, больше не завозят.

Она поинтересовалась:

– А что же тогда пьете?

– Алергейт, модафигант, – сказал он, – а еще бурстэйд. Все это запрещено к употреблению, людей нужно оберегать, как вы знаете.

– Что, – спросила она, – правда?

– Что употребляем?

– Нет, – уточнила она, – что людей нужно оберегать?

Он улыбнулся шире.

– Если верить массмедиа...

Когда Аллуэтта делала кофе, к ней тихонько приблизилась полная молодая женщина украинско-испанского типа, посмотрела, как управляется, покачала головой.

– Тебя как зовут?..

– Аллуэтта.

– Красивое имя, – сказала женщина. – Меня зовут Аня.

– Анечка, – сказала Аллуэтта. – Я слышала. Ты занимаешься секвенированием.

– Ого, – сказала Анечка, – у тебя хорошая память. Давай помогу...

– Я сама.

– Конечно, сама, – ответила Анечка, – просто подскажу, что Джордж не пьет кофе, только зеленый чай, а Георгий только кофе с молоком и не терпит сливок.

Аллуэтта сказала шепотом:

– Спасибо, ты меня выручаешь. Нет, просто спасаешь. А что предпочитает шеф?

Анечка чуть-чуть помедлила с ответом.

– Понимаешь, у него вкусы очень простые. Кофе любой, лишь бы крепкий и сладкий. Булочек ему не надо, хотя их тоже ест. Но любит больше, как я заметила, поджаренные гренки с козым сыром от фирмы Вайт энд Вайт.

Аллуэтта спросила с сильно бьющимся сердцем:

– А здесь такой есть?

Анечка покровительственно улыбнулась:

– У нас есть все. Нужно только назвать правильно. И отчетливо, здесь твоего голоса еще не знают.

Аллуэтта кивнула с некоторым запозданием, ну да, здесь же принтеры, что печатают все: от металлических конструкций до утонченных блюд, отвратительно, но так везде. Только в высшем свете по-прежнему делается эксклюзивно вручную и очень дорого, зато качество... хотя злые языки утверждают, что эти чемпионы кулинарии используют те же принтеры, чувства человеческие не в состоянии отличить еду, приготовленную самым лучшим поваром, от той, что составляет автомат и выдвигает на лоток принтера.

– Вайт энд Вайт, – повторила она. – Хорошо, только бы не перепутать.

– Если что, – шепнула Анечка, – спрашивай у меня.

– Спасибо.

Глава 7

В лаборатории странная тишина, все чинно за столами, хотя еще не успели излазить все огромное помещение, исцеловать каждый дюйм ККК-3С, навосхищаться возможностями, и всему виной эта дочка мультимиллиардера, что восхотела находиться здесь, и все, ничего с этим не поделаешь.

Аллуэтта старалась держаться ниже травы и тише воды, до обеда ходила с тряпкой, стараясь не приближаться к столу Максима, потом все же решилась и подошла к Анечке.

– Помоги, – взмолилась она. – Нет, убирать я буду сама, расскажи, кто здесь и что. Чтоб я ориентировалась!

Анечка посмотрела на нее искоса, словно хотела спросить, а оно ей надо, если сегодня же к вечеру ее вообще не будет в их городке, но смолчала, а потом начала рассказывать, сперва нехотя, затем разошлась, глаза заблестели, даже на щеках румянец стал ярче.

Максим, оказывается, работал с геном SUMO-1, уже показавшим прекрасные результаты у больных кардиомицитом, страдающих от врожденной сердечной недостаточности, а сейчас довел трудную работу до успешного финиша, повернув вспять сердечную недостаточность у стариков, у которых сердца когда-то были в порядке, но поизносились.

Как Аллуэтта поняла, гораздо проще лечить даже ранее считавшиеся неизлечимыми болезни, чем на уровне нейронов заставить омолаживаться стареющую ткань, потому что врожденная болезнь – это всего лишь сбой, который легко исправить введением нужных перепрограммированных генов, а вот бороться со старением намного труднее, потому что за ним следят даже не десятки, а сотни, как оказалось, программ и нужно их отключить все до единой.

– Здорово, – прошептала она. – А Френсис?

– Френсис, – тоже шепотом пояснила Анечка, – входит в пятерку лучших в мире метаболомиков. Ты даже не представляешь, что это такое!

– Не представляю, – покорно согласилась Аллуэтта.

– А вот Джордж, – сказала Анечка, – звезда геномики. Он картирует мутации генов с такой скоростью и точностью, что целой бригаде не угнаться, да и не набрать во всем мире на бригаду таких умельцев.

Еще Аллуэтта узнала, что Георгий и Евгений исследуют возможности клеточной терапии, а вот Анечка, кто бы подумал, занимается посттранскрипционным сегментом, что вообще непостижимо, как это она может подготавливать мышек для такой ужасной участи, как вкалывание им толстой иглой всяких там генов, что меняет мышек, иногда немножко омолаживает, но чаще всего старит и заставляет болеть...

Еще Анечка словоохотливо сообщила Аллуэтте, что обычно микро-РНК состоит из двадцати двух нуклеотидов, одна микро-РНК может регулировать сотни генов, восемьдесят процентов генома человека под их надзором и регуляцией, и Аллуэтта кивнула с понимающим видом, дескать, ну да, а как же, это же так естественно, конечно же, двадцать два нуклеотида, а не двадцать один или двадцать три!

После обеда в лаборатории появился, словно невзначай, сам Томберг, прошелся, осматривая помещение, кто как устроился, Аллуэтту вроде бы не замечал вовсе, да и она сама старалась не попадаться на глаза, чувствуя щекотливость положения.

Некоторую напряженность чувствовали не только Максим и Аллуэтта, Евгений натужно заулыбался и сказал громко:

– Данил Алексеевич, а почему вы не крионируете Самсику?.. Это же такая замечательная собака!.. Мы все ее любим, она вас обожает, а нас всех чует издали, встречает, как гостеприимная хозяйка...

Томберг вздохнул, на лицо набежала тень.

– Вы свою, безусловно, крионируете?

– Еще бы! – воскликнул Евгений. – Обязательно!

– Вам, простите за нескромный вопрос, сколько лет?

– Тридцать, – ответил Евгений. – Это комплиментарный вопрос, мне всего тридцать, а я работаю у самого Томберга! Это я так, в порядке обязательного подхалимажа.

Томберг улыбнулся, кивнул.

– И собачка-то у вас первая?

– Да, – ответил Евгений, – мне было восемнадцать, когда я сумел купить, с помощью родителей конечно, однокомнатную квартиру и сразу же выбрал в питомнике самого замечательного щенка из всех существующих на свете!.. Сейчас ему уже двенадцать, а боксеры до десяти доживают редко...

– У вас и пес трансгуманист, – сказал Томберг.

– Стараюсь, – сказал Евгений, – всеми добавками подкармливаю, иногда даже укольчик поддерживающий в ляжку, терпит, доверяет...

Томберг смотрел с великим сочувствием, кивал, но Евгений все не мог понять эту странную смесь сочувствия с жалостью.

– Как я вас понимаю, – сказал наконец Томберг. – Сейчас вы думаете, что зачерствел старик... Молодежь всегда так думает, все люди моего возраста, по их мнению, черствые маразматика. Ладно-ладно, это я так, про общее восприятие... В общем, моя Самсика у меня уже одиннадцатая. Не все, конечно, доживали до десяти... Каждого я любил и обожал. Но представьте себе, вот я крионировал бы своего первого любимца?.. Потом второго? Третьего?.. Что я делал бы потом с целой стаей?.. Раздать другим людям, оставив себе одного, жестоко. Да и как выбрать, всех их любил безумно. Да и они уже не щенки, других не признают. Только я у них был любимым вожаком стаи, которого обожали, которым восхищались и гордились!

Френсис раскрыл рот, о дальних перспективах не задумываясь, голова забита всегда наукой, а тут такое... гм...

– М-дя, – сказал он жалко, – а тем, кто замораживает кошек, придется еще хуже... Штук по двадцать наберется в криокамере?

Томберг развел руками, лицо оставалось грустное.

– Возможно, Самсику как раз и крионирую, так как ей осталось не больше года, а я думаю проскрипеть дольше. Даже если заведу еще одного – я не могу без преданной и любящей собаки, то две в доме – это еще нормально. Но три – перебор, все-таки я не заядлый собачник, я заядлый генетик... Может быть, даже более упертый, чем наш Максим Максимович...

Максим, услышав свое имя, повернулся, но сперва его взгляд упал на Аллуэтту, задержался, а потом с таким усилием соскользнул, что слышно было, как гупнуло о пол.

– Гм, – сказал Томберг, – ну ладно, обживайтесь на новом месте. А я пока пойду... тоже обживаться с мыслью, что у нас есть ККК-ЗС.

Аллуэтта постепенно осваивалась, вся лаборатория не так уж и велика, гостевой зал в ее дворце в Ницце и то просторнее, аппаратуры тоже не так уж и много, всего пять столов со старинными дисплеями во всю поверхность, продвинутая электроника с непонятными для нормального человека программами, одна сразу сообщила ей на встроенный в ухо приемник, что у нее раздражительность выше нормы на двенадцать процентов, это не опасно, но рекомендуется дышать глубже.

Анечка – толстая беспечная пышечка, которой всегда не везло с парнями, но не отчаивается, работа прекрасная, в лаборатории вокруг одни молодые и неженатые мужчины, чувствует себя в большой и дружной семье, и хотя блестящих открытий в науке не совершила, но это к лучшему, иначе начали бы смотреть с подозрением, как на говорящую лошадь. Зато по исполнительности и скорости работы даст сто очков даже неутомимому Джорджу.

Георгий Курицин – невысокий, согбенный от постоянного сидения сперва за книгами, потом за монитором и в конце концов за микроскопом, звезда нейрохирургии, предложивший целый ряд новых методов по манипуляции генов.

Джордж Руденшток – такого же роста, как и Георгий, но толстенький, не толстый, а именно толстенький – это тот же вес, но когда у человека всегда на лице приветливая улыбка, если постоянно ласков и услужлив, никогда от него грубого слова не услышишь, то именно толстенький, слегка толстенький, сколько бы там ни зашкаливало на весах.

Евген Катигорошко отличается от других тем, что единственный, кто помнит о своей национальности. То ли троллит, то ли прикалывается, но время от времени напоминает скромно, что он не какой-нибудь Евгений, а Евген, одно из древнейших имен в мире, потому что украинское и означает на праязыке ариев «сало», но иностранцы могут звать его просто Юджином.

Френсис и на работе одет так же щегольски, как и тогда на их симпозиуме, что, как объяснил тогда ей Ильяс, означает на греческом «большая попойка». Под белым халатом прячется новинка от Перчиччи или Герда Бонкса, на лице обычно веселая и беспечная улыбка плейбоя, хотя работоспособностью может посоперничать с Сизифом, и, как сообщила восторженно Анечка, за ряд уникальных по точности и виртуозности работ заслужил репутацию одного из лучших генетиков мира.

Сам Максим, как она подслушала, помимо общего управления, еще и работает над тем, чтобы мысленно можно было не только управлять приборами и гаджетами, но и связываться с людьми, но уже на клеточном, биологическом уровне, а для этого нужно что-то нарастить прямо в нейронах, чем он и занимается.

Сперва это будет только узнавание друг друга, передача простейших ощущений, а потом дойдет и до смысловых сообщений. И будет эта связь полностью защищена, и передавать можно будет намного больше и точнее, чем с помощью примитивных радио– и телесигналов.

Этот первый день работы тянулся в самом деле мучительно долго, но отец промахнулся с прогнозом. Все получилось бы так, как он предсказал, однако она, пометавшись в ярости, решила рассматривать это все как игру, в которой у нее именно такая роль и потому нет ничего унижительного ходить с тряпкой в руках и вытирать пыль, подавать кофе и булочки, переносить клетки, внутри которых крохотные, такие смешные мышки, снова убирать несуществующую грязь...

В конце рабочего дня она исхитрилась все же подойти к столу грозного шефа, спросила почти шепотом:

– Скажи, чем я тебе так не нравлюсь?

Он бросил в ее сторону косой взгляд.

– Непонятно? Волосы слишком длинные.

Она опустила голову и молча отошла, дальше еще раз принесла вежливому Джорджу кофе, а милой Анечке еще и горку бутербродов, дождалась, когда ушли Георгий и Джордж, хотела остаться подольше: Максим все еще трудится, – но приблизился Френсис и сказал тихо:

– Аллуэтта, для первого дня достаточно.

– Я не устала, – возразила она.

– Да, – согласился он, – танцы под алертардом в ночных клубах до самого утра закаляют и дают крепость мышц, уже знаем. Но существует законодательство, запрещающее сверхурочную работу. За это штрафы...

– Я заплачу, – ответила она с должным высокомерием.

Он посмотрел искоса.

– Но мы еще и законопослушные граждане.

– Правда? – спросила она с сомнением.

– Почти, – ответил он уклончиво. – Так что давай топай отседова и отдыхай. Для тебя поискать ночные клубы?

Она изумилась.

– Зачем?

– Я думал, ты без них жить не можешь.

– Какие, – спросила она с презрением, – могут быть ночные клубы в такой глуши?

– Теперь глуши не существует, – напомнил он. – Хотя старикам и отсталым, понимаю, трудно примириться с новым миром.

– Я не старая, – возразила она. – Так что до завтра. Не опаздывай!

Он улыбнулся ей в спину: молодец, держится, хотя от усталости голос сел, а лицо стало бледным. Вряд ли завтра сумеет вовремя поднять отяжелевшее после непривычной работы тело, но как властно велела ему не опаздывать, залюбоваться можно!

Едва она вышла, он сказал весело:

– Максим, вставай! Можно не прятаться.

Максим ответил обидчиво:

– Прятаться?

– Страусятничать, – пояснил Френсис. – Только вместо песка у тебя микроскоп.

– Да иди ты, – ответил Максим вяло, – никуда я не прячусь. Просто не хочу конфликтов.

– Избегаешь.

– Избегаю, – согласился Максим.

– Конфликты не обязательны, – заверил Френсис. – Бери шинель, пойдем домой.

Максим поднялся, повернулся. Френсис вздохнул с сочувствием. Морда у шефа в самом деле усталая, словно помимо работы еще и переживает, что делать с новой работницей и как с нею общаться.

Глава 8

Выйдя за ограду научного центра, медленно побрели по аллее. Френсис рассказывал, что ему выделили крупногабаритную квартиру и трансформирующийся автомобиль, что на одном баке может перелететь Атлантический и даже Тихий океан, а еще сиденья могут превращаться в двуспальную кровать...

– Еще бы, – сказал Максим саркастически, – вот что тебя прельстило, гад ты полосатый.

– Почему полосатый, – обиделся Френсис. – Я что, зебра? Или бурундук?

Он покосился на весело скачущего по газону массивного боксера редкого тигрового окраса. Тот увидел их с Максимом, ринулся навстречу, но остановился в двух шагах и всмотрелся с ожиданием в круглых собачьих глазах.

Морда седая, как и уши, но собаки этой породы сохраняют игривость, прыгучесть и живость до последнего дня, а когда им первым сумели продлить жизнь почти вдвое, то сразу выяснилось, что собаки в двадцать лет гораздо умнее, чем они же в десять.

Френсис развел руками.

– Извини, дорогой, играть с тобой некогда. Вернись к хозяину вашей общей квартиры, пусть он бросает тебе мячик. А ты носи ему почаще, чтобы он размялся, а то земля под ним уже прогибается, как молодой лед.

Боксер развернулся и ринулся обратно, а Френсис пробормотал ему вдогонку:

– С ними уже почти решили. А если бы и не решили, мир бы не рухнул.

– На них опробовали один из вариантов, – уточнил Максим. – Да и то каждый раз обходится почти в миллион долларов. Думаешь, Томберг не продлил бы жизнь своей Самсике?.. Но откуда у нашего директора миллион долларов, хотя на его открытии кардоцилиса фармацевты заработали почти полтора триллиона только за первые пять лет...

– Не завидуй, – сказал Френсис, – без этих энергичных дельцов и мы бы сидели без денег. А так подбрасывают от щедрот на эксперименты. Ничего, мы, в отличие от них, знаем, что уже живем в сингулярности. Только даже мы почему-то ждем какую-то не такую... Но уже все ускорилося и продолжает ускоряться! Помню, мне так жаль было выбрасывать совершенно исправный мобильник, но как быть, когда появились более мощные и навороченные? Потом и от навороченных пришлось отказаться, когда пришли носимые... а теперь вот их тоже, не успев привыкнуть и даже налюбоваться, выбрасываем!.. Да, имплантаты рулят, круче их нет ничего, но это сегодня, а завтра придет катард, страшно подумать!

– Ничего не страшно, – сказал Максим независимо. – Катард – это круто!

– Тоже жду, – признался Френсис. – Иногда даже мерещится, тьфу-тьфу, что технический прогресс мог бы двигаться и побыстрее.

– Мне тоже, – признался Френсис, – просто дрожь проникает. Но это мы готовы, а как другие?.. Многие и сейчас живут, как при Пипине Коротком.

Максим проводил взглядом хозяина боксера, толстого высокого и крепкого мужчину, о возрасте говорят только остатки седых волос вокруг лысины.

– Как думаешь, сколько ему?

Френсис тоже посмотрел вслед статной фигуре.

– От пятидесяти до ста. Одет хорошо, собака породистая. Наверняка провел курс реабилитации, а то и не один.

– Вот-вот, – сказал Максим. – Сейчас уже и самые ленивые начинают избавляться от последних своих болезней... если, конечно, финансы позволяют. Тем самым тоже войдут в число тех, кто перешагнет столетний рубеж.

– Слышу в твоём голосе тревогу, – сказал Френсис.

– А тебе не тревожно? – спросил Максим. – Пока нет даже теоретических догадок, как хотя бы замедлить катастрофическое старение головного мозга с возрастом. Вот-вот получим по всему миру то, что уже получаем вот так, в ограниченных пока масштабах.

– Что?

Максим сказал с досадой:

– А ты посмотри вокруг. Стремительно растет число этих здоровых и краснощеких столетних, у которых прекрасное сердце и крепкие ноги. Но они уже идиоты! Мозг, ты же помнишь с уроков в школе, после пятидесяти лет начинает довольно быстро терять массу...

Френсис сказал беспечно:

– Ха, подумаешь! Не только массу, теряет самые важные отделы, что заведуют логикой и научным, говоря проще, мышлением. Но не трогает самые важные, по мнению организма, отделы мозга, что отвечают за пищеварение, терморегулирование и двигательные функции. И вот если сейчас этих столетних идиотов с румянцем во всю щеку еще не так уж много, то со временем их будут массы. В сто двадцать лет... я даже не представляю, что это будет!

– Раньше эти долгожители сидели в пансионатах, – заметил Максим, – где их никто не видел. И родственники не показывали этих развалин людям... Но теперь они, здоровые и крепкие, выходят на улицы, имея в черепе мозг чуть больше, чем у крысы... Это что там за дурацкую рожу громоздят над дорогой?

– Завтра первое апреля, – напомнил Френсис. – Всемирный день дурака. Весь народ ликует, понимая, что это его день. Работать никто не любит, кроме гиков вроде нас, а вот дурака валять...

Максим поморщился.

– Не люблю первое апреля. Да что там не люблю, просто ненавижу! Вся эта тупая толпа, что читает гороскопы и Нострадамуса, в этот день начинает натужно острить: так положено, так принято, так указано... Вообще не люблю, когда мне указывают, а тут вообще предписывают в этот день именно острить и прикалываться!

Френсис улыбнулся.

– Ты чего такой злой? Толпа есть толпа. Ей нужны указатели. Стрельцам в этот день везет, Козерогам в следующий, а Обезьянам с Раками со среды по пятницу... Простому человеку нужны хэллоуины, первое апреля, Восьмое марта, День армии, Рождество, дни рождения, еще какая-нибудь хрень, ибо простейшему необходима указывающая длань вождя, как бы он ни назывался: обычаями, религией, уставом партии, модой, верой...

– Все равно противно, – сказал Максим. – Слишком много в сингулярность пройдет тех, у кого деньги.

Френсис покачал головой.

– Эти гороскопщики точно не пролезут. У них денег нет и не будет. А те, у кого есть, гороскопы не читают. Они их составляют... Думаешь, твой банкир верит во что-то, кроме своей деловой хватки?.. Три ха-ха. А с точки зрения эволюции он один из лучших представителей вида хомо: силен, инициативен, креативен, сумел взобраться на вершину пирамиды, обойдя сотни миллионов других карабкателей... Что, не хочется оказаться в сингулярности вместе с таким тестем?

Максим сказал в сердцах:

– Да пошел ты.

– Он будет там, – сказал Френсис уверенно, – как и сильнейшие в спорте, музыке, литературе, агрономии, астрономии, менеджменте... А не войдут плохие инженеры, плохие менеджеры, все слабые, тупые и никчемные, которым и сейчас хорошо, дай им только больше денег, долгую жизнь без болезней и телевизоры во всю стену... Ладно, встретимся завтра!

Они хлопнули друг друга по рукам, жест из пещерного времени, уж сингуляры точно не будут обмениваться рукопожатиями ни при встречах, ни при прощаниях, улыбнулся и, оставив кабриолет с автоводителем, лихо прыгнул через борт сразу на сиденье.

Максим ускорил шаг и через десять минут подошел к подъезду своего дома. Неожиданно и непрошено всплыло в памяти очень серьезное лицо Аллуэтты с вопрошающими глазами, стиснул челюсти и сказал себе твердо, что стремительно идем, даже бежим, в ослепительное будущее с новыми возможностями, потому сексуальные удовольствия пора прекращать получать только тем единственным способом, что доступен, скажем, крысам. Человек стремительно удаляется от животного... хотя пока еще животное.

Но лицо не исчезало, он сам ощутил, что бросил гранату мимо цели. Сейчас вовсе не сексуальный интерес к этой дуре, а странное желание вытолкнуть ее из лаборатории на улицу и сказать сварливо, что не ее это дело – мыть пробирки, усадить в такси, укутать ей ноги, чтоб не дуло, подложить под спину подушечку и отправить... куда отправить...

Странное ощущение, но отправить прочь почему-то не хочется. Мужчины вообще-то обязаны по факту рождения мужчинами заботиться о женщинах. И не только о своих. Вообще заботиться, потому что женщины – главное в мире.

Двери перед ним торопливо распахивались, прыгали в потолок, в пол и в стены, а он шел, быстрый и злой, и уже в своей квартире стремительно подошел к кофейному аппарату и взял выдвинутую на лоток чашку с горячим кофе, который кухня начала заботливо готовить, едва увидела его подходящим к дому.

Рядом с чашкой вывалился горячий поджаренный хлебец, манипулятор моментально накрыл его тонким слоем козьего сыра.

– Спасибо, – буркнул Максим.

– На здоровье, – вежливо ответила кухня.

Мелодично звякнуло, приятный женский голос коммуникатора произнес:

– С вами желает поговорить Сильвестер Фирестоун. Ответить?... Отложить?... Игнорировать?

Максим запнулся на миг, но рефлекс вежливого человека заставил сказать:

– Отвечу.

Через мгновение на экране появилось крупное лицо магната. За его спиной возвышаются белоснежные стены дворца в арабском стиле, слева на экран наползают и тут же исчезают из вида колышущиеся под легким ветерком длинные листья пальм.

Он невесело усмехнулся, увидел напряженного, как струна, молодого нейрохирурга.

– Я в курсе, – проговорил он, – Аллуэтта успешно проработала свой первый день. Первый день в жизни, кстати.

Максим пробормотал:

– Я в самом деле сожалею, но другой работы ей не нашлось. Да и, думаю, не найдется.

Фирестоун сказал спокойно:

– Это ее выбор. Не терзайтесь, я же вижу. Вам неловко, жалость еще не проклюнулась, но проклюнется. Вас это удивит, но я за то, чтобы вы держались... дольше. И строже.

Максим спросил глупо:

– Почему?

Фирестоун пожевал губами, подумал, ответил неспешно:

– Сначала позвольте заверить, нашу сделку считаю выполненной. Полностью. Вы ее приняли, Аллуэтта у вас поработала... Мы не оговаривали срок, помните? Потому уже завтра можете ее уволить.

Максим пробормотал:

– Но это будет не совсем... порядочно.

– Но мы не обговорили срок, – напомнил Фирестоун. – Так что все законно и даже порядочно. Но если отойти от темы договора, то я очень хотел бы, чтобы она задержалась у вас подольше. Наверное, вы догадываетесь зачем.

– Ни в малейшей мере, – заверил Максим.

Фирестоун коротко усмехнулся.

– Простите, не поверю.

– И все же?

– Она избалованна, – произнес Фирестоун почти доверительно. – Что делать, я старался в меру сил воспитывать ее работящей, но жена баловала и позволяла все. В этих случаях, как можете догадаться, ребенок всегда выбирает то, что легче и приятнее.

– Нужно, – сказал Максим вежливо, только чтобы что-то сказать, – обоим родителям воспитывать одними и теми же словами?

– Да, – ответил магнат со вздохом, – но и это спасает редко. Улица и приятели почти всегда сильнее родительского влияния. Там свобода, бунтарский дух против родительского произвола, романтика неподчинения вообще всему на свете.

Максим сказал с кривой улыбкой:

– То-то мне родители говорили в моем детстве: с этим мальчиком не дружи, он плохой, с этой девочкой тоже...

– У вас мудрые родители, – сказал магнат со вздохом. – И окружение вам подбирали правильное. Завидую им белой завистью. У нас не получилось... И друзья у нее были такие, всех бы утопил, и мать... В общем, шансов практически не было. Я уже смирился, но тут вдруг... я уж и не думал, что она в самом деле способна влюбиться. Все ее подруги так всю жизнь и порхают по курортам, рассекают волны на яхтах и превращаются либо в бездетных стерв, либо в конце концов выходят замуж за таких же стареющих самцов и пытаются в старости жить, как молодые. На это смотреть жалко и противно.

Максим сказал почти мирно:

– Человек вы хороший... где-то глубоко внутри. Но жестокий. Ради своей дочери готовы ломать жизни другим. Это честно?

Магнат развел руками.

– Вообще-то, вы правы. Я обычно средства не очень-то выбираю. Но где я сейчас ломаю жизни? Никто же вас не принуждает на ней жениться!.. И даже спать с нею.

Максим возразил:

– Все в лаборатории знают, что мне навязали эту красивую куклу за большие деньги. И я оказываюсь в роли жиголо, на этот раз все намного хуже: я добровольно иду на эту жигольность. А ей каково, вы подумали?.. Над нею же откровенно ржут!

Магнат посмотрел на Максима с нескрываемым интересом.

– Вам что, ее жалко?.. Вообще-то, понимаю, нам всегда женщин жалко. Инстинкт, знаете ли. На этом и попадаемся.

– Не жалко, – отрезал Максим – Просто это издевательство над нею ничего хорошего не даст.

Магнат отмахнулся.

– Это ее проблемы. Вообще-то, она настолько уверена в своей неотразимости, что это ржание ее ничуть не заденет. Как я думаю. А к вам, повторяю, просьба: если будет возможность, продержите ее подольше. Ну, сколько сможете. Хотите, я прямо сейчас еще десяток миллионов подкину?..

– Мыши столько не стоят, – буркнул Максим.

Фирестоун вскинул брови:

– Мыши? При чем тут мыши?

– Опыты проводим на мышах, – объяснил Максим – А на слонах... это наши цеховые шуточки.

Магнат сказал бодро:

– Могу организовать стадо слонов. Вам откуда: из Африки или Индии?

– Это была только шутка, – нервно повторил Максим. – Нет-нет, у нас средств хватает. И оборудование уже закупили. Но ваши воспитательные меры вряд ли сработают.

– Почему?

– У нас все знают, – объяснил Максим, – кому мы обязаны установкой ККК-3С и новым помещением. Смеются не над нею, а надо мной. А ее даже жалеют.

Магнат крикнул.

– Эх... я знал, что это будет, но рассчитывал, что начнете жалеть хотя бы через пару недель.

– Через пару недель, – заверил Максим нервно, – она вообще нам на головы сядет!

Магнат заулыбался во весь огромный рот, словно Максим сказал невероятно смешную шутку.

– Вообще-то, она такая, – сказал он доверительно, – но и вы человек из кремня!.. Она разобьется о вас, как океанская волна, и ляжет у ваших ног. Только продержитесь подольше.

– Что значит продержитесь? – пробормотал Максим. – У меня что-то вообще нет намерения хоть когда-то и кому-то сдать.

– Очень на это надеюсь, – сказал магнат серьезно. – Я сейчас прощаюсь, не буду отнимать у вас время, но на будущее просил бы позволения еще разок с вами связаться... если будет крайняя необходимость.

– Хорошо, – ответил Максим кисло. – Если будет крайняя необходимость...

Глава 9

Единственная раса на планете, пробилось в его еще затуманенном сном мозгу, которая все века и тысячелетия постоянно работала и продолжает работать на будущее, – это ученые. Остальные же не могли избежать соблазна копаться в грязи именно того дня, в котором живут.

Он открыл и закрыл глаза, но мощный мозг, что продолжает работу и ночью, пока его двуногий носитель спит, продолжал разматывать нить, дескать, не зря же всю литературу и все искусство советского периода, а это почти семьдесят лет! – с молчаливого согласия общества попросту вычеркнули даже из упоминаний, потому что там практически не было ни литературы, ни искусства, а только политика, воспевание преимущества социалистического образа жизни над капиталистическим, а для диссидентов считалась элитной та часть литературы, где эта советская власть критиковалась и втихую высмеивалась.

Понятно, что, когда коммунизм рухнул, замолчали и те и другие, потому что литературу они не знали, писать по-настоящему не умели, а только составляли агитки «за» или «против».

Зато ученые той же советской эпохи остались такими же гигантами, на их труды не просто ссылаются и сейчас, а опираются для достижения новых успехов, в то время как кто вспомнит сталинских или ленинских лауреатов по литературе?

Однако это понимание не повысило роли ученых, увы. На первых полосах новостей – все та же Аня Межелайтис, у которой то трусики слетели на улице, то лифчик свалился, то застали ее во время интима с отцом.

А еще на обложках все эти яхты в миллиард долларов, на которых юные отпрыски катают подружек по южным морям, но нигде нет коллайдера, телескопа, не говоря уже об установке ККК-3С или снимков ученых за работой.

Он вскочил с постели, уже злой, от Ани Межелайтис как-то само собой мысль соскользнула к Аллуэтте и там застряла, устроилась поудобнее, готовая вспоминать ее долго, со вкусом, высвечивать то лицо, то глаза, произносить ее голосом слова и целые фразы...

По улице, захватив всю проезжую часть, под рев труб и стук барабанов движется веселая толпа с плакатами «За демократию с человеческим лицом!», быстро набирающая силу партия, что возникла в пику официальному гуманизму и демократии, которые поняли и приняли благородные лозунги весьма превратно.

Он выждал, когда пройдут последние, партия пока что невелика, а желающих маршировать вживую по улицам еще меньше, перебежал на ту сторону, а там уже рукой подать до родных ворот научно-исследовательского центра, где он чувствует себя лучше, чем в своей квартире.

Перешагнув порог, сразу услышал возмущенные голоса сотрудников. Последний раз такое было три месяца назад, когда Анечка споткнулась о большую корзину, в которой Георгий нес мышей с подсаженными генами, – дверка распахнулась, и все двенадцать штук моментально разбежались, спасая драгоценные шкурки.

– Что стряслось? – провозгласил он громко и достаточно властно, за пять лет руководства уже научился делать свой интеллигентный голос звучащим подобно сержантскому. – Почему без драки?

Все умолкли и повернулись к нему, злые и расстроенные. Рассвирепевший больше других Френсис ухватил за плечо Аллуэтту, развернул лицом к Максиму.

Тот еще не успел понять, что в ней так сильно изменилось, а Френсис сдернул с ее головы комсомольскую косынку.

– Посмотрите!.. Она утверждает, что это вы велели, наш мудрый шеф!

Максим посмотрел, и дыхание остановилось в зобу. Аллуэтта пострижена почти под мальчика, от роскошной копны волос остались волосенки не длиннее его мизинца. Выглядит

сильно похудевшей, беззащитной, словно волосы служили броней, даже испуганной и затравленной.

– М-м-м, – проговорил он, не в силах разжать губы. – Что за дурь...

Френсис сказал люто:

– Вот именно! Только чья?

– Что значит чья? – спросил Максим.

– Зачем, – сказал Френсис злобно, – вы ей такое брякнули, шеф?.. Она же не понимает, что волосы – это же все равно что сиськи. А если волосы длинные и пышные, это все равно что сиськи большие и...

– Шеф, – перебила Анечка плачущим голосом, – ну зачем вы ей такое велели? Да я бы вас лучше убила, чем обрезала бы такое сокровище!

Максим стиснул челюсти. Эта дура из семьи мультимиллиардера даже не понимает, что нет на свете мужчины, который предпочел бы короткие волосы длинным. Всякий мужчина требует от своей девушки, чтобы отпустила волосы подлиннее.

Аллуэтта молчала и смотрела тупо и покорно. Ни обвинения в ее глазах, ни сожаления, только покорное ожидание решения своей участи.

Он сжал и разжал кулаки. Хотелось вlepить ей затрещину, да так, чтобы голова слетела с плеч. То ли в самом деле такая дура, то ли решила подставить его так, дескать, самодур и тиран, а она вот такая покорная овечка, над которой измывается, как хочет.

Он процедил сквозь стиснутые челюсти:

– Да идите вы все... Сборище придурков!

И ушел к себе, прямой и собранный, так выглядело внешне, и он сам знал, что выглядит именно так, а что у него внутри и как выглядит на самом деле, это уже его личное дело.

А выглядит не лучше, чем чувствует себя, а чувствует так, словно по собственной воле окунулся в говно и теперь ищет там на дне золотой ключик.

Раньше казалось, что лишь политики должны следить за своим языком, а теперь вот, оказывается, брякнул, не подумав, и прочувствуй всю гамму счастья шуки на горячей сковородке.

Злой и нахмуренный, он занимался достаточно привычным делом секвенирования и расшифровки темных мест генома, но вид у него оставался таким, что никто не осмелился подойти с вопросом.

Краем уха улавливая обрывки разговоров далеко за спиной, понял, что вчера над этой светской львицей, вздумавшей играть в какие-то свои игры, ржали и откровенно насмехались, но сейчас вот все накнулись, объясняя, какая она дура редкостная, для мужчин волосы то же самое, что сиськи, как сказал Френсис, а когда вот такие роскошные, какие были у нее, то и вообще...

Похоже, она там в своем уголке все же тихонько поревела, искренне или притворно, непонятно, женщины и сами обычно не знают, где у них грань, ее сперва утешала больше всего Анечка, потом пришел в их угол Френсис, принес для женщин по мороженому, а самой Аллуэтте сунул еще и пакетик с шоколадными конфетами в виде смешных медвежат.

Через полчаса, когда вдруг возжелалось кофе, Максим не стал обращаться к Аллуэтте или Анечке, сам включил аппарат, но тот зажужжал и ответил мягким женским голосом:

– Пожалуйста, добавьте зерен.

Георгий повернулся, сказал с сочувствием:

– Шеф, она меня тоже достала!.. Только что воды просила долить. А вчера надо было полную очистку делать. Не умеет, дура, сама отскребывать накипь от хлорированной воды!

Подошел с чашкой в руке Евген, покачал головой.

– А меня достает это ее постоянное «Уберите отходы», как будто роботы уже захватили мир! Вы все столько жрете кофе, жмых приходится удалять пять раз в день.

Георгий сказал успокаивающе:

– Воду могу подключить напрямую, с этим проблем нет. И даже емкость для кофе пристрою побольше. Правда, будет не слишком эстетично, но будущим сингулярам внешний вид не важен?

– А «уберите отходы»? – спросил Евгений сварливо.

– Это сложнее, – признался Георгий, – но если кто-то возьмется за меня сделать мою завтрашнюю работу, я за пару суток проблему решу.

Максим, не ввязываясь в дискуссию, засыпал зерен, в самом деле прожорливая на кофе у него команда, а за спиной Георгий сказал с тоскливым раздражением:

– Блин, все равно это не те решения, что ждем! Пора бы уже эти зерна синтезировать прямо там, внутри, а потом и молоть!

– Если синтезировать, – сказал Евгений, – то зачем зерна? Лучше сразу размолотое...

– Нет, – уточнил Георгий, – готовый кофе!

Евгений сказал задумчиво:

– Тогда можно и от кофе отказаться в его прежнем виде... Или сразу в вену кофеин или что там в кофе взбадривающее?

– А зачем в вену, – сказал, загораясь, Георгий, – можно в мозгу задействовать необходимые центры!

Максим сказал предостерегающе:

– Эй-эй, заткнитесь оба!.. А то договоритесь, что и жить не обязательно.

За спиной наступила мертвая тишина. Он оглянулся и увидел по их очень серьезным и вытянувшимся лицам, что оба стараются хоть чуточку вообразить, как это – быть сингулярами..

Глава 10

Вернувшись к своему столу, некоторое время занимался делом, стараясь не вспоминать про ее обрезанные волосы, то ли в самом деле такая дура, то ли хочет заставить его чувствовать вину, и это у нее почти получилось...

Френсис подошел сзади, некоторое время молча смотрел через плечо на экран монитора, где медленно поворачивается двойная спираль ДНК, расцветенная тысячью крохотных искорок.

– И что?

Максим огрызнулся:

– Ты о чем?

– Сам знаешь. Пойдешь на обед с нашим дружным коллективом?

Максим покачал головой:

– Идите без меня.

– Что так?

– Не могу, – признался Максим, – видеть ее обрезанные волосы. Твержу себе, что не виноват, это же поговорка такая: волос долог – ум короток, но все равно что-то грызет...

– Не поддавайся, – деловито сказал Френсис. – Они хитрые-е-е... Специально, чтобы ты терзался и проникался.

Максим покачал головой:

– Хуже.

– А что хуже?

– А если она искренне? Она же дура, а дуры разве хитрят?.. Дуры все искренние, за что их и любят и женятся на них, оставляя умных за бортом.

– Да, – согласился Френсис, – с дурами комфортнее. С другой стороны – где же вызов? Где преодоление?

Максим посмотрел на него угрюмо.

– Тебе мало вызовов и борьбы на работе?.. Хорошо, подкину еще.

Френсис сказал испуганно:

– Нет-нет, я тоже буду искать дуру для создания здоровой семьи. Да только где найдешь, сейчас все хитрые, прожженные, опытные... Дуры нынче редкость, на вес золота. Это тебе повезло!

– Чем же? – спросил Максим.

– Аллуэтта умная, – объяснил Френсис, – но дура. Это самое лучшее, что есть на свете!..

Максим посмотрел исподлобья:

– Это... как?

– Влюбленный, – пояснил Френсис, – всегда дурак, каким бы умным ни был. Аллуэтта влюблена, а влюбленность может оглупить кого угодно.

– Она не влюблена, – возразил Максим с ожесточением. – Эта красивая богатая стерва привыкла все получать без всяких усилий. Наследница, видите ли, семисот миллионов долларов!.. И сейчас ее просто задело, что я занимаюсь какой-то сраной наукой, а не прыгаю перед ней на задних лапках.

Френсис сдвинул плечами.

– Пока что вижу, как она прыгает перед тобой на задних лапках. А потом тайком плачет, что ты ее не замечаешь.

– Крокодилы тоже плачут, – отрезал Максим.

– Она не крокодил, – сказал Френсис рассудительно. – По крайней мере, не совсем крокодил. А если и крокодил, то всякий хотел бы заполучить такую крокодилу.

– Ну и бери ее себе, – сказал Максим.

– Что, – спросил Френсис, – правда?.. А то я бы взял.

– Ну и бери.

– Да что-то голос у тебя, – сказал Френсис обвиняюще, – будто говоришь «попробуй взять – убью!». Ладно-ладно, не оправдывайся. Вообще-то, ее взять не просто. Пока я знаю только одного человека, который ее может взять.

– Заткнись, – ответил Максим. – И вообще, скоро обед.

– Пойдем?

– Нет.

– Это поражение, – сказал Френсис серьезно. – Потом превратится в фобию. Пойдем. Держись как ни в чем не бывало. Ты не виноват, что она дура.

– Правда?

Френсис пожал плечами:

– Ну, вообще-то, виноват... мы все виноваты в бедах наших женщин. Должны решать их проблемы еще до того, как те у них возникнут. Но сейчас удобно ссылаться на равноправие полов. Они сами постоянно об этом твердят, так что при невыполнении наших обязанностей защитников всегда есть отмазка.

Максим тяжело поднялся, чувствуя свое разом отяжелевшее тело.

– Ладно, пойдем. Там кухню уже наладили?

– Евгений колдует, – сообщил Френсис. – Очень уж навороченную штуку привезли!.. Легко испечет крякоберн из ста сорока ингредиентов, но не знает, как поджарить простые гренки. А как без них жить?

– И как?

– Пока что Анечка печет их в установке для очистки образцов, – сообщил Френсис.

– Ну и времена, – сказал Максим сердито. – В установке за полтора миллиона долларов печь гренки?

– А что, – сказал Френсис. – Я уже попробовал! Хорошо получаются.

Максим оглянулся в нерешительности. Один из лабораторных столов приспособили под обеденный, а тризейлы, пришедшие на смену устаревшим принтерам трехмерной печати, в считанные секунды выдают на широкий лоток любые блюда, будь это экзотичные фрукты, еще темные от южного солнца, или холодная семга, только что выловленная в Баренцевом море.

Аллуэтту Анечка заботливо усадила с собой рядом, с другой стороны от дочери магната оказался Евгений, он сразу начал ухаживать за красивой женщиной, что все равно красивая, хоть и лишилась таких волос, убить того, кто такое посоветовал.

Френсис сказал довольноно:

– Хорошо сидим!.. И ничего, что халат старый и в дырках, зато хлебцы жарим на установке в полтора миллиона долларов!.. Мы, так сказать, можем по факту считаться зажиточным слоем.

– Даже зажавшимся, – подсказал Георгий.

– Вконец зажавшимся, – согласился Френсис. – Как раз в то время, когда разрыв между зажиточными и незажиточными слоями населения стал еще глубже и ширше. Зажиточные живут на пятнадцать-двадцать лет дольше, выглядят моложе и здоровее... только посмотрите на меня, правда красавец?.. чем те, кто получает меньше.

Джордж уточнил:

– При нынешних возможностях любой может стать зажиточным.

– Правда? – спросил Георгий ехидно.

– Большинство этого просто не хотят, – объяснил Джордж, – потому что надо больше работать, напрягаться, а им хочется отдыхать и развлекаться. И покупать только то, что хочется,

а не что рекомендуется для долгой и здоровой жизни. И пить, разумеется, в то время, как сторонник здоровой жизни в рот не возьмет водку или коньяк. Так что не надо...

Френсис сдвинул плечами.

– Дело не в том, – сказал он уже серьезным голосом, – как на самом деле, а как подается. Выглядит, будто мы эксплуататоры: захапали все себе, а делиться не желаем. А то, что эти незажиточные хотят, не работая и не напрягаясь, получать те же блага, что и мы, это вполне законно, понятно, разумно, и потому мы должны предоставить всем этим существам такие же блага, какими обладаем сами. К примеру, позволить им тоже жарить хлебцы на установке за полтора миллиона долларов.

Георгий сказал бодро:

– Я согласен и вот прямо щас предоставляю всем им право получить докторскую степень нейрохирурга!.. И вместе со мной войти в новый, прекрасный мир.

– Ты не политкорректен, – сказал Евгений строго. – Это братья наши меньшие, им тоже нужно предоставить те же возможности. И наше общество идет в этом направлении! Сейчас даже смертельно пьяный может садиться за руль, потому что машину ведет компьютер, так что общество дает и этим людям все возможности!

Аллуэтта сперва смотрела с непониманием, потом начала сердиться. Максим видел, что светская львица с обрезанным хвостом готова вмешаться: как же, ее мнение всегда было решающим, – но Френсис делает ей предостерегающие знаки, Анечка со своей стороны придерживает за локоть, напоминая, что мужчины не любят сильных и уверенных женщин, и эта львица кое-как смиряет себя.

Когда поднялись из-за стола, Аллуэтта на какой-то момент оказалась с Максимом рядом, спросила быстро:

– Так что еще тебе во мне так уж... отвратительно? Я обрезала, как ты и хотел...

Голос ее звучал покорно и печально, но Максим чуть не задохнулся от возмущения:

– Я?... Я хотел?... Дура, ты бы еще противогаз надела!

Она остановилась, Френсис быстро пошел с ним рядом, едва успевая в ногу, даже переходил иногда на бег, оглянувшись, бросил шепотом:

– Ты с ума сошел?... А если завтра придет в противогазе?

– Блин!

– Вот тебе и. Анечку инфаркт схватит. А остальные со смеху помрут. Как ты стремишься разрушить такой почти сплоченный против тебя коллектив!

Максим ответить не успел, из приемной директора выглянула Светочка, помахала белой лапкой с зеленым маникюром.

– Максим Максимович!.. Директор просит вас зайти немедленно... если вы, конечно, не очень заняты...

– Пока нет, – ответил Максим. – Иду!.. А ты, Френсис, проводи как-то тактично беседу.

– Насчет противогаза?

– И вообще тоже, – сказал Максим. – Ну, ты понял.

– С трудом, – ответил Френсис. – Но я тоже гений, а два гения друг друга всегда поймут, если излишек гениальности не помешает, как у нас обычно.

Светочка осталась у двери, придерживая ее открытой для Максима, на него смотрит призывно и заинтересованно. Знает, каким необычным образом получены деньги и дико дорогое оборудование и кому все обязаны повышением зарплаты и тем, что сейчас на работу к ним оформляются еще трое докторов наук, которым обещаны и высокие оклады, и широкое поле работ.

Глава 11

Томберг кивнул Максиму на кресло напротив стола. Максим сел с осторожностью: что-то у директора лицо какое-то странное, не то помочился по рассеянности прямо в штаны, не то перднул при королеве, а теперь не знает, как поизящнее извиниться, на коня теперь не спихнешь. Да и взгляд отводит, будто собирается сказать, что пошутил, а ККК-ЗС забирает себе домой.

– Тут такое дело, – сказал Томберг, – вы знаете, Максим Максимович, в обществе сейчас некое нехорошее бурление... Из-за того, что население наконец-то реально повернулось к проблеме продления жизни, резко обострилась ситуация... как бы повсюду.

Максим спросил хмуро:

– Вы о церквях? Это еще не повсюду.

– Да, – сказал Томберг, – в церквях. Но церкви, как оказалось, имеют влияние на простой народ даже больше, чем ожидали сами священники. Или не церкви, а религия?.. Вера?.. Я материалист, потому до сих пор не знаю разницы между верой и религией. Никогда не интересовался. И сейчас не хочу!..

Максим поинтересовался:

– Но приходится?.. Эти демонстрации на Болотной за веру нашу христианскую...

– Хуже, – сказал Томберг уныло. – За веру нашу православную!.. Хотя, конечно, наш народ не видит и не понимает разницы. А православная, увы, самая ортодоксальная, негибкая, никаких перемен не видит и не признает. Это католическая идет на компромиссы, а протестантская так и вовсе науку считает спасением от всех бед. В общем, во избежание нагнетания напряжения в обществе и с целью избежать кровавой конфронтации между верующими и неверующими...

Он умолк, не в силах продолжать, Максим спросил настороженно:

– Что, и у нас хотят, как в армии и в школах?..

– Да, – ответил Томберг, вздохнув. – Ничего не поделаешь. Ваш банкир, или кто он там, своими тридцатью миллионами долларов ввел вашу лабораторию в число... гм... заметных. Теперь на вас обратили внимание как чиновники и бандиты, так и всякие там... разные. От чиновников я прикрою, бандиты сразу отлипнут, с ученых у них брать не получается, а вот различные организации... да, это посложнее.

– Но церковь!.. Это же ни в какие ворота не лезет!

Томберг развел руками:

– Максим Максимович, это всего лишь уступка невежественному веку, в котором живем. Вы же знаете, Средневековье еще не кончилось!..

Максим встал, некоторое время казалось, что слышит дурную шутку, Томберг тоже может еще как приколоться, не родился же директором, в его время вообще на ушах ходили, это сейчас молодое поколение намного серьезнее.

– И... как это будет выглядеть?

Директор развел руками:

– РПЦ направляет к нам священника.

– А РПЦ имеет над нами власть?

Томберг посмотрел на него с укором.

– Русь приняла, – напомнил он, – византийскую модель христианства, а в ней главой церкви являлся император. Потому патриарх всегда подчинен государственной власти! У нас был под князем Владимиром, затем под царями, императорами, Совнаркомом, ЦК КПСС, а теперь под нетвердой рукой президента... Потому, когда приходит священник, он приходит еще и как государственный чиновник, облеченный властью.

– Блин, – сказал Максим пораженно, – мракобесие на марше!

– Темнее всего ночь перед рассветом, – напомнил Томберг. – Потерпите. Отнеситесь к этой мелкой неприятности, как к необходимой формальности. Зато присутствие священников в научно-исследовательских центрах заметно снижает, как уже доказано, накал страстей верующих.

– Я никак не думал, – сказал Максим, – что у нас в стране их так много!

– Я тоже не думал, – признался Томберг, – да и сейчас не верю в эти цифры. Просто в нашем обществе всегда есть силы, преследующие какие-то свои цели.

– А если еще взять подростков, – сказал Максим, – которым все равно ради чего бить витрины, жечь автомобили и ходить с плакатами, устраивая стычки с ОМОНОм...

– Вы правы, – сказал Томберг. – Дефо говорил, что в его время нашлась бы сотня тысяч отважных англичан, готовых не на жизнь, а на смерть сражаться против папизма, не зная даже, что такое папизм – человек или лошадь. Так и эти будут устраивать митинги и беспорядки во имя своей футбольной команды или православной церкви, не очень-то и представляя, что это. В общем, Максим Максимович, я на вас надеюсь. Мы же умные люди, должны действовать по возможности умно. А то и мудро, если получится. Нам главное – выиграть время. А там войдем в сингулярность, а эти останутся.

– Буду стараться, – сказал Максим. – По возможности. Хотя местами я такой дурак, что все дураки удавятся от зависти.

На следующий день с утра никакого священника, Максим уже начал надеяться, что наверху опомнились и такой откровенной глупости не дали ходу, но после обеда священник переступил порог их лаборатории: отоспавшийся, сытый, с мощным брюхом, как у породистого гуся или даже тираннозавра.

На взгляд Максима, настоящий православный священник: толстый, бородатый, как раввин, в рясе и с пудовым крестом на пузе, точная и узнаваемая карикатура на православие, такого не спутаешь с католическим или протестантским.

Завидев его еще в дверном проеме, Максим понадеялся, что внешность обманчива, вдруг да человек умный и достаточно современный, они даже компьютеры перестали проклинать, однако посмотрел в мясистое лицо с отвисающими щеками и заплывшие жиром глазки, облегченно вздохнул.

Вряд ли этот окажется педофилом или каким-то извращенцем, слишком прост даже с виду. Этому пожрать, да чтоб кусок сала был втрое толще самого ломтя хлеба, да стакан водки... нет, стакана маловато, такому нужно сразу литровую бутылку.

Надо сказать Френсису, мелькнула мысль, чтобы наливал этому служителю церкви вместо компота спирту. Нет, это же не деревенский священник, этому нужно марочного коньяка, да побольше, побольше.

Священник, с порога определив, кто здесь самый главный, важно направился к Максиму, с достоинством неся объемистый живот, как живая иллюстрация того, что во всех странах и во всех конфессиях богатые и развитые люди поголовно худые и подтянутые, а бедные и неразвитые интеллектуально – толстые и даже жирные, хотя это звучит неполиткорректно, и эти данные стараются не афишировать.

Отечески улыбнувшись, священник протянул Максиму руку тыльной стороной вверх. Максим запоздало понял, что для поцелуя, разозлился и отдернул свою, уже протянутую для рукопожатия, пусть и формального.

– Максим Максимович Руд, – назвал он сухо. – Руководитель коллектива этой лаборатории. Как я понимаю, вы и есть тот из церкви...

Он сделал паузу, священник сказал густым голосом:

– Иерей Александр Зельман, отношусь ко второй степени священства. Если слово «иерей» выговорить трудно, можете называть меня пресвитером, это одно и то же. Обращаться ко мне нужно «ваше преподобие», а если неофициально, то «отец Александр» или «батюшка».

Френсис подошел и встал рядом с Максимом.

– А почему не «поп»? – спросил он.

Священник нахмурился:

– Несмотря на то что в греческом, откуда пришла наша вера, слово «поп» означает «священник», а «попадья» – жена священника, в нашем языке это приобрело нездоровый оттенок в простом народе.

– Но мы верны традициям, – возразил Френсис. – И своей исконной вере, а там поп – это поп!

Священник покачал головой:

– Все же предпочитаю, чтобы меня называли отцом. Можно без прибавки «святой».

За их спинами фыркнул Евгений:

– Какая скромность!

Кто-то усмехнулся, Максим ответил предельно вежливо:

– Простите, но у меня есть отец.

Священник сказал с укором:

– Но так принято...

– Не здесь, – отрезал Максим, медленно закипая. – Если хотите, можем называть вас товарищем Александром или господином Зельманом. Может, даже мсье или сэром... Нет, сэр – рыцарское обращение, а священники в те времена ездили только на мулах...

– Мусью, – подсказал Георгий. – Как там у классика, «ну погоди, мусью...»

– Панове, – предложил Евгений. – Он похож на пана. Только не на пана, а на пана добродия.

Священник покачал головой:

– Это неприемлемо.

– Но не по имени же вас звать? – возразил Максим. – Это только между друзьями... Можем по фамилии, хотите?

Священник сказал благочестивым тоном:

– Давая обет, мы отрекаемся от прежней жизни и прежних имен.

– Ух ты, – сказал Френсис с уважением. – Как в Запорожской Сечи! Помню Юла Брюннера, как он громил поляков...

Георгий толкнул его в бок.

– Ты что? Громил Тарас Бульба, а Юл Брюннер играл его в «Великолепной семерке».

– В церкви, – произнес священник, – мое имя Георгий. Можете по церковному имени с неизменным добавлением в начале «брат». «Брат Георгий» меня вполне устроит.

Максим помотал головой:

– Простите, у меня хоть и нет братьев, но, глядя на вас, заводить их совсем не хочется. К тому же у нас уже есть Георгий. Вот он стоит, настоящий, может обидеться. Даже точно обидится.

Священник сказал со вздохом:

– Сын мой, но...

Максим прервал:

– Послушайте! Я не ваш сын. У меня, как я сказал, есть отец. Давайте тогда так, поскольку я человек вежливый, я буду к вам обращаться на вы...

Священник кивнул:

– Разумеется.

– Вот и хорошо, – сказал Максим. – Потому можете пока осмотреться. Кофе вот там, автомат уже настроен, только скажите, какой именно вам нужно. Чувствуйте себя, конечно, не в

церкви, но так, чтобы могли доложить с чистой совестью в своем ведомстве, что все осмотрели и даже освятили. Если вдруг мне что-то от вас понадобится, что крайне маловероятно, буду обращаться «Эй вы!».

Священник сперва благодушно кивал, но в конце поморщился, как-то ощутил, что хоть и на «вы», но что-то в нем не совсем, брови сдвинулись, явно начинает продумывать компромиссный вариант.

Френсис быстро взглянул на Максима, шеф что-то упускает, сказал с достоинством:

– Ну... а я, как заместитель по хозяйственной части, говорю радушно: добро пожаловать! Стола и стула вам предоставить не можем, у нас тесновато, сами видите, да и не будете же вы у нас торчать здесь весь рабочий день, как понимаю? Так это, заглянете разок, посмотрите насчет Содомы и Гоморры, и отбудете...

Священник кивнул, сказал густым голосом:

– Это хорошо, что беретесь сами наводить у себя чистоту в душах и сердцах. Мне это лепо.

– А нам даже и баше! – подхватил Френсис. – Я рад и счастлив, что наука и религия находят точки соприкосновения и рука об руку идут назад-вперед в светлое будущее постройки Царства Небесного Сингулярности!

Священник посмотрел на него набычившись, при его массе это выглядело почти устрашающе.

– Да понимаю, – сказал он мрачно, – что вы видите! Но вы ошибаетесь, полагая, что я представляю некую темную силу мракобесья. Церковь, если вы еще не знали, больше всех выступает против мракобесья, суеверий, гаданий, гороскопов и всей этой дури, до которой так падки глупые и слабые люди.

Френсис спросил быстро:

– А как насчет вещих снов?

Священник сказал твердо:

– Никаких вещих снов не бывает!

– Правда? Почему?

– Никто, – сказал священник веско, – не может знать планы Господа нашего. Потому вещие сны, как и глупые предсказания, – все суеверия и знак немощи духовной.

Френсис сказал прислушивающемуся издали Максиму:

– Если слово «духовной» заменить на «интеллектуальной», то весьма как бы.

Максим огрызнулся:

– И ты хочешь помирить науку и опиум народа?

Френсис отшатнулся.

– Свят-свят!.. И в мыслях не было!.. Но для отчета и задурманивания масс начальств можно. Отец... гм... уполномоченный из церкви понимает щекотливость ситуации. Потому мы можем работать вместе или хотя бы не мешать друг другу. Вместе – это когда каждый делает свое дело и не лезет к другому.

Глава 12

Еще около часа священник просто прогуливался по огромной территории лаборатории, так это выглядело, потом подошел к Максиму и долго стоял у него за спиной, словно понимая, что происходит на дисплее.

Максим постепенно накалялся, священник как будто чувал, а может, и чувал, профессия обязывает, вдруг сказал негромко:

– Я придумал, как вы можете обращаться ко мне...

Максим обернулся, так жутко перекривив шею, что в затылке стрельнуло.

– Ну?

– Отец Дитрих, – сказал священник еще тише. – Я тоже играю в ту байму, о которой сейчас говорили ваши Георгий и Джордж. Только я не позволяю себе кач троллей, эльфов или еще чего-то нечестивого!.. Я там великий инквизитор, а имя успел взять «Отец Дитрих», опередив сразу сто человек на долю секунды. И там воюю за церковь, за веру, за величие человека.

Максим сказал потрясенно:

– Блин... У вас какой левел?

– Девяностый, – ответил священник гордо. – Пока предельный, хотя обещают в аддоне добавить еще пять вместе с новыми локациями.

– Братство «Святого Христа»? – спросил Максим. – Альянс Северный, клан Вечной Весны, гильдия Светлого Меча?..

Священник гордо улыбнулся.

– Ого, знаете?

– Еще бы, – ответил Максим. – Я в клане Меченосцев, мы с вами в одном альянсе. Боремся против Темных. Увы, у меня левел пока лишь восемнадцатый, но в церкви, видимо, больше времени для кача.

– У меня доспехи архангельские, – ответил священник скромно, – а меч вообще получил из рук самого Гавриила за уничтожение Содома! Я его уже восемь раз стирал с лица земли, но больше ничего не выпало. А умение паладина восстанавливаться после ранений получил еще на восьмидесятом.

– Здорово, – признал Максим с завистью. – Тогда, гм, вам появляться здесь будет не так уж... трудно. Вот там свободный дисплей, видяха ультра, даже при осаде замков не тормозит, будь там миллион сражающихся, ультравысокое разрешение, и все настройки на пределе... Можете пока попробовать, если свой пароль вспомните.

Священник кивнул и быстрыми шагами направился к указанному месту, а опустил в кресло так стремительно, словно упал.

Френсис, который все замечает, подошел на цыпочках и прошептал, оглядываясь на священника:

– И на фига ты ему брякнул про свободный дисплей?

– Можешь не шептать, – сказал Максим, – теперь уж ничего не услышит.

Френсис оглянулся.

– Ага, сразу в пати и на босса... Конечно, с таким левелом в любой отряд ухватят!

– Потому я и брякнул, – ответил Максим чуточку виновато. – Девяностый, это же надо!.. Само вырвалось, когда он вот так скромно, что чуть не лопнувши, упомянул о своем левеле и доспехах, каких не было даже у Ахилла...

– Ну да, – согласился Френсис, – я бы тоже зауважал. Но теперь надо думать, как выжить этого попищу.

– Я лоханулся, – признал Максим. – Но шеф никогда не бывает виноватым, верно? Так что берись, исправляй. Одно дело, когда он будет заглядывать к нам на четверть часа, даже хорошо, поржем над шаманом, разрядка нужна, но – время делу, а не потехе!

Аллуэтта резко повернулась, запоздало уловив намекающие знаки Анечки. Максим шел не к ним, но, заслышав громкие голоса, остановился, вперил тяжелый взгляд в Аллуэтту.

Ее пылающее гневом лицо начало медленно терять боевую окраску, она опустила голову и даже помяла в ладонях передник..

– Что случилось? – спросил Максим.

Она ответила с великой неохотой:

– Мы тут обсуждали появление этого... ну, жертвоприносителя. Это же какая дикость! У нас что, Средневековье?

Он ответил мирно:

– В какой-то мере да. У вас на цепочке что, фигурка из гороскопа?

Ее рука взметнулась к груди, там на тонкой цепочке тревожно заколыхалась крохотная фигурка сказочного животного, попытавшегося сбежать от грозного босса.

– Да, – ответила она послушно, – это Козерог. Но это не суеверие, а просто украшение...

– И смарагд в колечке, – добавил он, – защищает от дурного глаза. Дикое суеверие, кстати. Церковь против этого борется. Если уж всю правду, то именно церковь первой взялась масштабно вытаскивать человечество из тьмы и дикости. Причем все человечество, а не какой-то свой народ. Запретила человеческие жертвоприношения, запрещала войны и кровавые турниры, отлучала самых воинственных от церкви, запрещала луки и арбалеты, проповедовала доброту, строила при монастырях школы, где учили народ грамоте...

По ее лицу было видно, что контрдоводов у нее море и два океана в придачу, но вдруг шеф возьмет и уволит, потому лучше молчать в тряпочку, зато Френсис сказал с неудовольствием:

– Шеф, мы это знаем. Аллуэтта говорит о другом...

– А дело в том, – сказал Максим, – что человечество нужно тащить из тьмы долго, очень долго. Церковь этим и занималась. Но сейчас наконец-то наблюдается расцвет возвращенной в стенах монастырей науки и высоких технологий! Мы тоже тащим человека из тьмы, да еще и намного быстрее, чем церковь, чего церковь пока принять не может. Или не верит глазам своим.

Георгий сказал зло от своего стола:

– Значит, церковь должна отступить и не мешать.

Максим развел руками:

– Дорогой, где ты видишь мир из одних ученых?.. Некоторое время будем тащить человека вместе, потом церковь постепенно уйдет в прошлое, а мы потопаем дальше одни. А пока на лечение от сглаза, на приворотные зелья и амулеты люди тратят по семнадцать миллиардов долларов ежедневно... до тех пор и для церкви найдется работа.

Френсис охнул в недоверии:

– Неужели... семнадцать миллиардов?

– Загляни в инет, – посоветовал Максим. – Посмотри, сколько стоят услуги ведьм, колдунов и прочих экстрасенсов. И как часто к ним обращаются. Мы все еще в Средневековье, дружище!.. А что с церковью трения... так это норм. Придет время, ототрем ее от процесса. В сингулярности – точно мы будем, она – нет.

Аллуэтта некоторое время кипела, рвалась возражать, дети и женщины живут больше эмоциями, но то ли не отыскала убийственных доводов, то ли не решилась раздражать, гордо вскинула голову и ушла вытирать несуществующую пыль со столов, ровная и уже холодная, как айсберг.

Священник пробыл перед монитором недолго, босса сообщца завалили, и пати распалась, а девяностолевельному уже неинтересно в сольном каче. Осада только через трое суток, новые пати для рейдов на боссов тоже начнут собирать не раньше, чем все закончат работу и после ужина сядут к мониторам.

Все как-то сразу заметили, что он отодвинулся от стола, размял плечи и поднялся.

– Сейчас проповедь закатит, – сказал Георгий.

– Или кадилом по колбам шарахнет, – ответил Джордж. – Я его тогда самого...

Священник величаво огляделся, перекрестился, отчего громадный крест на груди передвинулся с одной стороны на другую, и нехотя вернулся на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.